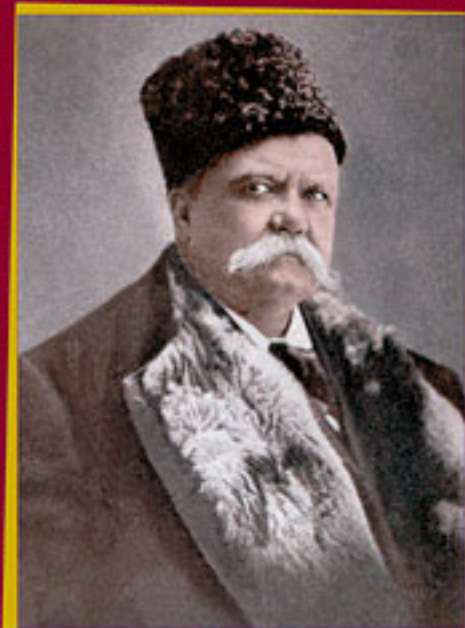

Владимир
ГИЛЯРОВСКИЙ
Москва и москвичи

Мемуары

Владимир Алексеевич Гиляровский

Москва и москвичи

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171956
Москва и москвичи: Олимп, АСТ; Москва; 2006
ISBN 5-17-010907-5, 5-8195-0625-1, 5-17-037515-8*

Аннотация

Мясные и рыбные лавки Охотного ряда, тайны Неглинки, притоны Хитровки, Колосовки и Грачевки с грязными дворами и промозглыми «фатерами», где жизнь на грош, а любовь за копейку...

Автор, прозванный современниками «дядей Гиляем», известный журналист, в живой и занимательной форме рассказывает о быте и нравах старой Москвы, подкупая достоверностью и живостью портретов и описаний, ощущением сиюминутности происходящего и сохраняя в своих очерках неповторимый аромат той эпохи.

Содержание

От автора	4
В Москве	6
Из Лефортова в Хамовники	7
Театральная площадь	10
Хитровка	12
Штурман дальнего плавания	26
Сухарева	30
Под Китайской стеной	43
Тайны Неглинки	49
Ночь на Цветном бульваре	52
Кружка с орлом	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Гиляровский

Москва и москвичи

От автора

Я – москвич! Сколь счастлив тот, кто может произнести это слово, вкладывая в него всего себя. Я – москвич!

...Минувшее проходит предо мною...

Привожу слова пушкинского Пимена, но я его несравненно богаче: на пестром фоне хорошо знакомого мне прошлого, где уже умирающего, где окончательно исчезнувшего, я вижу растущую не по дням, а по часам новую Москву. Она ширится, стремится вверх и вниз, в неведомую доселе стратосферу и в подземные глубины метро, освещенные электричеством, сверкающие мрамором чудесных зал.

...В «гранит одетая» Москва-река окаймлена теперь тенистыми бульварами. От них сбегает широкие каменные лестницы. Скоро они омоются новыми волнами: Волга с каждым днем приближается к Москве.

Когда-то на месте этой каменной лестницы, на Болоте, против Кремля, стояла на шесте голова Степана Разина, казненного здесь. Там, где недавно, еще на моей памяти, были болота, теперь – асфальтированные улицы, прямые, широкие. Исчезают нестройные ряды устарелых домишек, на их месте растут новые, огромные дворцы. Один за другим поднимаются первоклассные заводы. Недавние гнилые окраины уже слились с центром и почти не уступают ему по благоустройству, а ближние деревни становятся участками столицы. В них входят стадионы – эти московские колизеи, где десятки и сотни тысяч здоровой молодежи развивают свои силы, готовят себя к героическим подвигам и во льдах Арктики, и в мертвой пустыне Кара-Кумов, и на «Крыше мира», и в ледниках Кавказа.

Москва вводится в план. Но чтобы создать новую Москву на месте старой, почти тысячу лет строившейся кусочками, где какой удобен для строителя, нужны особые, невиданные доселе силы...

Это стало возможно только в стране, где Советская власть.

Москва уже на пути к тому, чтобы сделаться первым городом мира. Это на наших глазах.

...Грядущее проходит предо мною...

И минувшее проходит предо мной. Уже теперь во многом оно непонятно для молодежи, а скоро исчезнет совсем. И чтобы знали жители новой столицы, каких трудов стоило их отцам выстроить новую жизнь на месте старой, они должны узнать, какова была старая Москва, как и какие люди бытовали в ней.

И вот «на старости я сызнова живу» двумя жизнями: «старой» и «новой». Старая – фон новой, который должен отразить величие второй. И моя работа делает меня молодым и счастливым – меня, прожившего и живущего

На грани двух столетий,
На переломе двух миров.

Вл. Гиляровский
Москва, декабрь 1934 г.

В Москве

Наш полупустой поезд остановился на темной наружной платформе Ярославского вокзала, и мы вышли на площадь, миновав галдевших извозчиков, штурмовавших богатых пассажиров и не удостоивших нас своим вниманием. Мы зашагали, скользя и спотыкаясь, по скрытым снегом неровностям, ничего не видя ни под ногами, ни впереди. Безветренный снег валил густыми хлопьями, сквозь его живую вуаль изредка виднелись какие-то светлевшие пятна, и, только наткнувшись на деревянный столб, можно было удостовериться, что это фонарь для освещения улиц, но он освещал только собственные стекла, залепленные сырым снегом.

Мы шли со своими сундучками за плечами. Иногда нас перегоняли пассажиры, успевшие нанять извозчика. Но и те проехали. Полная тишина, безлюдье и белый снег, переходящий в неведомую и невидимую даль. Мы знаем только, что цель нашего пути – Лефортово, или, как говорил наш вожак, коренной москвич, «Лафортово».

– Во, это Рязанский вокзал! – указал он на темневший силуэт длинного, неосвещенного здания со светлым круглым пятном наверху; это оказались часы, освещенные изнутри и показывавшие половину второго.

Миновали вокзалы, переползли через сугроб и опять зашагали посредине узких переулков вдоль заборов, разделенных деревянными домишками и запертыми наглухо воротами. Маленькие окна отсвечивали кое-где желтокрасным пятнышком лампадки... Темь, тишина, сон беспробудный.

Вдали два раза ударил колокол – два часа!

– Это на Басманной. А это Ольховцы... – пояснил вожатый. И вдруг запел петухом: – Ку-ка-ре-ку!..

Мы оторопели: что он, с ума спятил?

А он еще...

И вдруг – сначала в одном дворе, а потом и в соседних ему ответили проснувшиеся петухи. Удивленные несвоевременным пением петухов, сначала испуганно, а потом зло залились собаки. Ольховцы ожили. Кое-где засветились окна, кое-где во дворах застучали засовы, захлопали двери, послышались удивленные голоса: «Что за диво! В два часа ночи поют петухи!»

Мой друг Костя Чернов залаял по-собачьи; это он умел замечательно, а потом завыл по-волчьи. Мы его поддержали. Слышно было, как собаки гремят цепями и бесятся.

Мы уже весело шагали по Басманной, совершенно безлюдной и тоже темной. Иногда натыкались на тумбы, занесенные мягким снегом. Еще площадь. Большой фонарь освещает над нами подобие окна с темными и непонятными фигурами.

– Это Разгуляй, а это дом колдуна Брюса, – пояснил Костя.

Так меня встретила в первый раз Москва в октябре 1873 года.

Из Лефортова в Хамовники

На другой день после приезда в Москву мне пришлось из Лефортова отправиться в Хамовники, в Теплый переулок. Денег в кармане в обрез: два двугривенных да медяки. А погода такая, что сапог больше изорвешь. Обледенелые нечищенные тротуары да талый снег на огромных булыгах. Зима еще не устоялась.

На углу Гороховой – единственный извозчик, старик, в армяке, подпоясанном обрывками вылинявшей вожжи, в рыжей овчинной шапке, из которой султаном торчит кусок пакли. Пузатая мохнатая лошаденка запряжена в пошевни – низкие лубочные санки с низким сиденьем для пассажиров и перекинутой в передней части дощечкой для извозчика. Сбруя и вожжи веревочные. За подпояской кнут.

– Дедушка, в Хамовники!

– Кое место?

– В Теплый переулок.

– Двоегривенный.

Мне показалось это очень дорого.

– Гривенник.

Ему показалось это очень дешево. Я пошел. Он двинулся за мной.

– Последнее слово – пятиалтынный? Без почину стою...

Шагов через десять он опять:

– Последнее слово – двенадцать копеек...

– Ладно.

Извозчик бьет кнутом лошаденку. Скользим легко то по снегу, то по оголенным мокрым булыгам, благо широкие деревенские полозья без железных подрезов. Они скользят, а не режут, как у городских санок. Зато на всех косогорах и уклонах горбатой улицы сани раскатываются, тащат за собой набочившуюся лошадь и ударяются широкими отводами о деревянные тумбы. Приходится держаться за спинку, чтобы не вылететь из саней.

Вдруг извозчик оборачивается, глядит на меня:

– А ты не сбежишь у меня? А то бывает: везешь, везешь, а он в проходные ворота – юрк!

– Куда мне сбежать – я первый день в Москве...

– То-то!

Жалуется на дорогу:

– Хотел сегодня на хозяйской гитаре выехать, а то туда, к Кремлю, мостовые совсем оголели...

– На чем? – спрашиваю. – На гитаре?

– Ну да, на колибере... вон на таком, гляди.

Из переулка поворачивал на такой же, как и наша, косматой лошаденке странный экипаж. Действительно, какая-то гитара на колесах. А впереди – сиденье для кучера. На этой «гитаре» ехали купчиха в салопе с куньим воротником, лицом и ногами в левую сторону, и чиновник в фуражке с кокардой, с портфелем, повернутый весь в правую сторону, к нам лицом.

Так я в первый раз увидел колибер, уже уступивший место дрожкам, высокому экипажу с дрожащим при езде кузовом, задняя часть которого лежала на высоких, полукругом, рессорах. Впоследствии дрожки были положены на плоские рессоры и стали называться, да и теперь зовутся, пролетками.

Мы ехали по Немецкой. Извозчик разговорился:

– Эту лошадь – завтра в деревню. Вчера на Конной у Илюшина взял за сорок рублей киргизку... Добрая. Четыре года. Износу ей не будет... На той неделе обоз с рыбой из-за

Волги пришел. Ну, барышники у них лошадей укупили, а с нас вдвое берут. Зато в долг. Каждый понедельник трешку плати. Легко разве? Так все извозчики обзаводятся. Сибиряки привезут товар в Москву и половину лошадей распродадут...

Переезжаем Садовую. У Земляного вала – вдруг суматоха. По всем улицам извозчики, кучера, ломовики нахлестывают лошадей и жмутся к самым тротуарам. Мой возница остановился на углу Садовой.

Вдали звенят колокольчики.

Извозчик обернулся ко мне и испуганно шепчет:

– Кульеры! Гляди!

Колокольцы заливаются близко, слышны топот и окрики.

Вдоль Садовой, со стороны Сухаревки, бешено мчатся одна за другой две прекрасные одинаковые рыжие тройки в одинаковых новых коротеньких тележках. На той и на другой – разудалые ямщики, в шляпенках с павлиньими перьями, с гиканьем и свистом машут кнутами. В каждой тройке по два одинаковых пассажира: слева жандарм в серой шинели, а справа молодой человек в штатском.

Промелькнули бешеные тройки, и улица приняла обычный вид.

– Кто это? – спрашиваю.

– Жандармы. Из Питера в Сибирь везут. Должно, важнееюших каких. Новиков-сын на первой сам едет. Это его самолучшая тройка. Кульерская. Я рядом с Новиковым на дворе стою, нагляделся.

...Жандарм с усищами в аршин.
А рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин... —

вспоминаю Некрасова, глядя на живую иллюстрацию его стихов.

– В Сибирь на каторгу везут: это – которые супротив царя идут, – пояснил полушепотом старик, оборачиваясь и наклоняясь ко мне.

У Ильинских ворот он указал на широкую площадь. На ней стояли десятки линеек с облезлыми крупными лошадьми. Оборванные кучера и хозяева линеек суетились. Кто торговался с нанимателями, кто усаживал пассажиров: в Останкино, за Крестовскую заставу, в Петровский парк, куда линейки совершали правильные рейсы. Одну линейку занимал синодальный хор, певчие переругивались басами и дискантами на всю площадь.

– Куда-нибудь на похороны или на свадьбу везут, – пояснил мой возница и добавил: – Сейчас на Лубянке лошадку попоим. Давай копейку: пойло за счет седока.

Я исполнил его требование.

– Вот проклятушие! Чужих со своим ведром не пускают к фанталу, а за ихнее копейку выплачивай сторожу в будке. А тот с начальством делится.

Лубянская площадь – один из центров города. Против дома Мосолова (на углу Большой Лубянки) была биржа наемных экипажей допотопного вида, в которых провожали покойников. Там же стояло несколько более приличных карет; баре и дельцы, не имевшие собственных выездов, нанимали их для визитов. Вдоль всего тротуара – от Мясницкой до Лубянки, против «Гусенковского» извозничьего трактира, стояли сплошь – мордами на площадь, а экипажами к тротуарам – запряжки легковых извозчиков. На морды лошадей были надеты торбы или висели на оглобле веревочные мешки, из которых торчало сено. Лошади кормились, пока их хозяева пили чай. Тысячи воробьев и голубей, шныряя безбоязненно под ногами, подбирали овес.

Из трактира выбегали извозчики – в расстегнутых синих халатах, с ведром в руке – к фонтану, платили копейку сторожу, черпали грязными ведрами воду и поили лошадей.

Набрасывались на прохожих с предложением услуг, каждый хваля свою лошадь, величая каждого, судя по одежде, – кого «ваше степенство», кого «ваше здоровье», кого «ваше благородие», а кого «вась-сиясь!». ¹

Шум, гам, ругань сливались в общий гул, покрываясь раскатами грома от проезжающих по бульжной мостовой площади экипажей, телег, ломовых полков² и водовозных бочек.

Водовозы вереницами ожидали своей очереди, окружив фонтан, и, взмахивая черпаками-ведрами на длинных шестах над бронзовыми фигурами скульптора Витали, черпали воду, наливая свои бочки.

Против Проломных ворот десятки ломовиков то сидели идолами на своих полках, то вдруг, будто по команде, бросались и окружали какого-нибудь нанимателя, явившегося за подводой. Кричали, ругались. Наконец по общему соглашению устанавливалась цена, хотя нанимали одного извозчика и в один конец. Но для нанимателя дело еще не было кончено, и он не мог взять возчика, который брал подходящую цену. Все ломовые собирались в круг, и в чью-нибудь шапку каждый бросал медную копейку, как-нибудь меченную. Наниматель вынимал на чье-то «счастье» монету и с обладателем ее уезжал.

Пока мой извозчик добивался ведра в очереди, я на все успел насмотреться, поражаясь суете, шуму и беспорядочности этой самой тогда проезжей площади Москвы... Кстати сказать, и самой зловонной от стоянки лошадей.

Спустились к Театральной площади, «окружили» ее по канату. Проехали Охотный, Моховую. Поднялись в гору по Воздвиженке. У Арбата прогремела карета на высоких рессорах, с гербом на дверцах. В ней сидела седая дама. На козлах, рядом с кучером, – выездной лакей с баками, в цилиндре с позументом и в ливрее с большими светлыми пуговицами. А сзади кареты, на запятках, стояли два бритых лакея в длинных ливреях, тоже в цилиндрах и с галунами.

За каретой на рысак важно ехал какой-то чиновный франт, в шинели с бобром и в треуголке с плюмажем, едва помещая свое солидное тело на узенькой пролетке, которую тогда называли эгоисткой...

¹ Ваше сиятельство.

² Телега с плоским настилом.

Театральная площадь

Грохот трамваев. Вся расцвеченная, площадь то движется вперед, то вдруг останавливается, и тысячи людских голов поднимают кверху глаза: над Москвой мчатся стаи самолетов – то гусиным треугольником, то меняя построение, как стеклышки в калейдоскопе.

Рядом со мной, у входа в Малый театр, сидит единственный в Москве бронзовый домо-владелец, в том же самом заячьем халатике, в котором он писал «Волки и овцы». На стене у входа я читаю афишу этой пьесы и переношусь в далекое прошлое.

К подъезду Малого театра, утопая железными шинами в несгребенном снегу и ныряя по ухабам, подползла облезлая допотопная театральная карета. На козлах качался кучер в линючем армяке и вихрастой, с вылезшей ключьями паклей шапке, с подвязанной щекой. Он чмокал, цыкал, дергал веревочными вожжами пару разномастных, никогда не чищенных «кабысдохов», из тех, о которых популярный в то время певец Паша Богатырев пел в концертах слезный романс:

Были когда-то и вы рысакami,
И кучеров вы имели лихих...

В восьмидесятых годах девственную неприкосновенность Театральной площади пришлось ненадолго нарушить, и вот по какой причине.

Светловодная речка Неглинка, заключенная в трубу, из-за плохой канализации стала клоакой нечистот, которые стекали в Москву-реку и заражали воду.

С годами труба засорилась, ее никогда не чистили, и после каждого большого ливня вода заливала улицы, площади, нижние этажи домов по Неглинному проезду.

Потом вода уходила, оставляя на улице зловонный ил и наполняя подвальные этажи нечистотами.

Так шли годы, пока не догадались выяснить причину. Оказалось, что повороты (а их было два: один – под углом Малого театра, а другой – на площади, под фонтаном с фигурами скульптора Витали) были забиты отбросами города.

Подземные болота, окружавшие площадь, как и в древние времена, тоже не имели выхода.

Начали перестраивать Неглинку, открыли ее своды. Пришлось на площади забить несколько свай.

Поставили три высоких столба, привезли тридцатипудовую чугунную бабу, спустили вниз на блоке – и запели. Народ валил толпами послушать.

Эй, дубинушка, ухнем, эй, зеленая, подернем!..

Поднимается артелью рабочих чугунная бабища и бьет по свае.

Чем больше собирается народу, тем оживленнее рабочие: они, как и актеры, любят петь и играть при хорошем сборе.

Запевала оживляется, – что видит, о том и поет. Вот он усмотрел толстую барыню-щеголиху и высоким фальцетом, отчеканивая слова, выводит:

У барыни платье длинно,
Из-под платья...

А уж дальше такое хватит, что барыня под улюлюканье и гоготанье рада сквозь землю провалиться.

А запевала уже увидал франта в цилиндре:

Франт, рубаха – белый цвет,
А порткам, знать, смены нет.

И ржет публика, и все прибывает толпа.

Артель утомилась, а хозяин требует:

– Старайся, робя, наддай еще!

Встряхивается запевала и понаддаст:

На дворе собака брешет,
А хозяин пузо чешет.

Толпа хохочет...

– Айда, робя, обедать.

«Дубинушку» пели, заколачивая сваи как раз на том месте, где теперь в недрах незримо проходит метро.

В городской думе не раз поговаривали о метро, но как-то неуверенно. Сами «отцы города» чувствовали, что при воровстве, взяточничестве такую панаму разведут, что никаких богатств не хватит...

– Только разворуют, толку не будет.

А какой-то поп говорил в проповеди:

– За грехи нас ведут в преисподнюю земли.

«Грешники» поверили и испугались.

Да кроме того, с одной «Дубинушкой» вместо современной техники далеко уехать было тоже мудрено.

Хитровка

Хитров рынок почему-то в моем воображении рисовался Лондоном, которого я никогда не видел.

Лондон мне всегда представлялся самым туманным местом в Европе, а Хитров рынок, несомненно, самым туманным местом в Москве.

Большая площадь в центре столицы, близ реки Яузы, окруженная облупленными каменными домами, лежит в низине, в которую спускаются, как ручьи в болото, несколько переулков. Она всегда курится. Особенно к вечеру. А чуть-чуть туманно или после дождя поглядишь сверху, с высоты переулка – жуть берет свежего человека: облако село! Спускаешься по переулку в шевелящуюся гнилую яму.

В тумане двигаются толпы оборванцев, мелькают около туманных, как в бане, огоньков. Это торговки съестными припасами сидят рядами на огромных чугунах или корчагах с «тушенкой», жареной протухлой колбасой, кипящей в железных ящиках над жаровнями, с бульонкой, которую больше называют «собачья радость»...

Хитровские «гурманы» любят лакомиться объедками. «А ведь это был рябчик!» – смакует какой-то «бывший».

А кто попроще – ест тушеную картошку с прогорклым салом, щековину, горло, легкое и завернутую рулетом коровью требуху с непромытой зеленью содержимого желудка – рубец, который здесь зовется «рябчик».

А кругом пар вырывается клубами из отворяемых поминутно дверей лавок и трактиров и сливается в общий туман, конечно, более свежий и ясный, чем внутри трактиров и ночлежных домов, дезинфицируемых только махорочным дымом, слегка уничтожающим запах прелых портянок, человеческих испарений и перегорелой водки.

Двух – и трехэтажные дома вокруг площади все полны такими ночлежками, в которых ночевало и ютилось до десяти тысяч человек. Эти дома приносили огромный барыш домовладельцам. Каждый ночлежник платил пятак за ночь, а «номера» ходили по двугривенному. Под нижними нарами, поднятыми на аршин от пола, были логовища на двоих; они разделялись повешенной рогожей. Пространство в аршин высоты и полтора аршина ширины между двумя рогожами и есть «нумер», где люди ночевали без всякой подстилки, кроме собственных отрепьев...

На площадь приходили прямо с вокзалов артели приезжих рабочих и становились под огромным навесом, для них нарочно выстроенным. Сюда по утрам являлись подрядчики и уводили нанятые артели на работу. После полудня навес поступал в распоряжение хитрованцев и барышников: последние скупали все, что попало. Бедняки, продававшие с себя платье и обувь, тут же снимали их, переодевались вместо сапог в лапти или опорки, а из костюмов – в «сменку до седьмого колена», сквозь которую тело видно...

Дома, где помещались ночлежки, назывались по фамилии владельцев: Бунина, Румянцева, Степанова (потом Ярошенко) и Ромейко (потом Кулакова). В доме Румянцева были два трактира-«Пересыльный» и «Сибирь», а в доме Ярошенко – «Каторга». Названия, конечно, негласные, но у хитрованцев они были приняты. В «Пересыльном» собирались бездомники, нищие и барышники, в «Сибири» – степенью выше – воры, карманники и крупные скупщики краденого, а выше всех была «Каторга» – притон буйного и пьяного разврата, биржа воров и беглых. «Обратник», вернувшийся из Сибири или тюрьмы, не миновал этого места. Прибывший, если он действительно «деловой», встречался здесь с почетом. Его тотчас же «ставили на работу».

Полицейские протоколы подтверждали, что большинство беглых из Сибири уголовных арестовывалось в Москве именно на Хитровке.

Мрачное зрелище представляла собой Хитровка в прошлом столетии. В лабиринте коридоров и переходов, на кривых полуразрушенных лестницах, ведущих в ночлежки всех этажей, не было никакого освещения. Свой дорогу найдет, а чужому незачем сюда соваться! И действительно, никакая власть не смела сунуться в эти мрачные бездны.

Всем Хитровым рынком заправляли двое городских – Рудников и Лохматкин. Только их пудовых кулаков действительно боялась «шпана», а «деловые ребята» были с обоими представителями власти в дружбе и, вернувшись с каторги или бежав из тюрьмы, первым делом шли к ним на поклон. Тот и другой знали в лицо всех преступников, приглядевшись к ним за четверть века своей несменяемой службы. Да и никак не скроешься от них: все равно свои донесут, что в такую-то квартиру вернулся такой-то.

Стоит на посту властитель Хитровки, сосет трубку и видит – вдоль стены пробирается какая-то фигура, скрывая лицо.

– Болдох! – гремит городской.

И фигура, сорвав с головы шапку, подходит.

– Здравствуйте, Федот Иванович!

– Откуда?

– Из Нерчинска. Только вчера прихрюл. Уж извините пока что...

– То-то, гляди у меня, Сережка, чтобы тихо-мирно, а то...

– Нешто не знаем, не впервой. Свои люди...

А когда следователь по особо важным делам В. Ф. Кейзер спросил Рудникова:

– Правда ли, что ты знаешь в лицо всех беглых преступников на Хитровке и не арестуешь их?

– Вот потому двадцать годов и стою там на посту, а то и дня не простоишь, пришьют! Конечно, всех знаю.

И «благоденствовали» хитрованцы под такой властью.

Рудников был тип единственный в своем роде.

Он считался даже у беглых каторжников справедливым, и поэтому только не был убит, хотя бит и ранен при арестах бывал не раз. Но не со злобы его ранили, а только спасая свою шкуру. Всякий свое дело делал: один ловил и держал, а другой скрывался и бежал.

Такова каторжная логика.

Боялся Рудникова весь Хитров рынок как огня:

– Попадешься – возьмет!

– Прикажут – разыщет.

За двадцать лет службы городским среди рвани и беглых у Рудникова выработался особый взгляд на все.

– Ну, каторжник... Ну, вор... нищий... бродяга... Тоже люди, всяк жить хочет. А то что? Один я супротив всех их. Нешто их всех переловишь? Одного пймаешь – другие прибегут... Жить надо!

Во время моих скитаний по трущобам и репортерской работы по преступлениям я часто встречался с Рудниковым и всегда дивился его уменью найти след там, где, кажется, ничего нет. Припоминается одна из характерных встреч с ним.

С моим другом, актером Васей Григорьевым, мы были в дождливый сентябрьский вечер у знакомых на Покровском бульваре. Часов в одиннадцать ночи собрались уходить, и тут оказалось, что у Григорьева пропало с вешалки его летнее пальто. По следам оказалось, что вор влез в открытое окно, оделся и вышел в дверь.

– Соседи сработали... С Хитрова. Это уж у нас бывалое дело. Забыли окно запереть! – сказала старая кухарка.

Вася чуть не плачет – пальто новое. Я его утешаю:

– Если хитрованцы, найдем.

Попрощались с хозяевами и пошли в 3-й участок Мясницкой части. Старый, усатый пристав полковник Шидловский имел привычку сидеть в участке до полуночи: мы его застали и рассказали о своей беде.

– Если наши ребята – сейчас достанем. Позвать Рудникова, он дежурный!

Явился огромный атлет, с седыми усами и кулачищами с хороший арбуз. Мы рассказали ему подробно о краже пальто.

– Наши! Сейчас найдем... Вы бы пожаловали со мной, а они пусть подождут. Вы пальто узнаете?

Вася остался ждать, а мы пошли на Хитров в дом Буниных. Рудников вызвал дворника, они пошептались.

– Ну, здесь взять нечего. Пойдем дальше!

Темь. Слякоть. Только окна «Каторги» светятся красными огнями сквозь закоптелые стекла да пар выходит из отворяющейся то и дело двери.

Пришли во двор дома Румянцева и прямо во второй этаж, налево в первую дверь от входа.

– Двадцать шесть! – крикнул кто-то, и все в ночлежке зашевелились.

В дальнем углу отворилось окно, и раздались один за другим три громких удара, будто от проваливающейся железной крыши.

– Каторга сигает! – пояснил мне Рудников и крикнул на всю казарму: – Не бойтесь, дьяволы! Я один, никого не возьму, так зашел...

– Чего ж пугаешь зря! – обиделся рыжий, солдатского вида здоровяк, приготовившийся прыгать из окна на крышу пристройки.

– А вот морду я тебе набью, Степка!

– За что же, Федот Иванович?

– А за то, что я тебе не велел ходить ко мне на Хитров. Где хошь пропадай, а меня не подводи. Тебя ищут... Второй побег. Я не потерплю!..

– Я уйду... Вон «маруха» завела! – И он подмигнул на девицу с синяком под глазом.

– П-пшел! Чтоб я тебя не видел! А кто в окно сиганул? Зеленщик? Эй, Болдоха, отвечай! Молчание.

– Кто? Я спрашиваю! Чего молчишь? Что я тебе – сыщик, что ли? Ну, Зеленщик? Говори! Ведь я его хромую ногу видел.

Болдоха молчит. Рудников размахивается и влепляет ему жесточайшую пощечину.

Поднимаясь с пола, Болдоха сквозь слезы говорит:

– Сразу бы так и спрашивал. А то канителится... Ну, Зеленщик!

– Черт с ним! Попадется, скажи ему, забери. Чтоб утекал отсюда. Подводите, дьяволы. Пошлют искать – все одно возьму. Не спрашивают – ваше счастье, ночуйте. Я не за тем. Беги наверх, скажи им, дуракам, чтобы в окна не сигали, а то с третьего этажа убьются еще! А я наверх, он дома?

– Дрыхнет, поди!

Зашли в одну из ночлежек третьего этажа. Там та же история: отворилось окно, и мелькнувшая фигура исчезла в воздухе. Эту ночлежку Болдоха еще не успел предупредить.

Я подбежал к открытому окну. Подо мной зияла глубина двора, и какая-то фигура краслась вдоль стены. Рудников посмотрел вниз.

– А ведь это Степка Махалкин! За то и Махалкиным прозвали, что сигать с крыш мастак. Он?

– Васьки Чуркина брат, Горшок, а не Махалкин, – послышался из-под нар бас-октава.

– Ну, вот он есть, Махалкин. А это ты, Лавров? Ну-ка вылазь, покажись барину.

– Это наш протодьякон, – сказал Рудников, обращаясь ко мне. Из-под нар вылез босой человек в грязной женской рубаше с короткими рукавами, открывавшей могучую шею и здоровенные плечи.

– Многая лета Федоту Ивановичу, многая лета! – загремел Лавров, но, получив в морду, опять залез под нары.

– Соборным певчим был, семинарист. А вот до чего дошел! Тише вы, дьяволы! – крикнул Рудников, и мы начали подниматься по узкой деревянной лестнице на чердак. Внизу гудело «многая лета».

Поднялись. Темно. Остановились у двери. Рудников попробовал – заперто. Загремел кулачищем так, что дверь задрожала. Молчание. Он застучал еще сильнее. Дверь приотворилась на ширину железной цепочки, и из нее показался съемщик, приемщик краденого.

– Ну, что надо? И кто?

Поднимается кулак, раздается визг, дверь отворяется.

– И что вы деретесь? Я же человек!

– А коли ты человек – где пальто, которое тебе Сашка Пономарь сегодня принес?

– И что вы ночью беспокоите? Никакого пальта мне не приносили.

– Так. Повывдите-ка отсюда, а мы поищем! – сказал мне Рудников, и, когда за мной затворилась дверь, опять послышались крики.

Потом все смолкло. Рудников вышел и вынес пальто.

– Вот оно! Проклятый черт запрятал в самый нижний сундук и сверху еще пять сундуков поставил.

Таков был Рудников.

* * *

Иногда бывали обходы, но это была только видимость обыска: окружают дом, где поспокойнее, наберут «шпаны», а «крупные» никогда не попадались.

А в «Кулаковку» полиция и не совалась.

«Кулаковкой» назывался не один дом, а ряд домов в огромном владении Кулакова между Хитровской площадью и Свиныйским переулком. Лицевой дом, выходивший узким концом на площадь, звали «Утюгом». Мрачнейший за ним ряд трехэтажных зловонных корпусов звался «Сухой овраг», а все вместе – «Свиной дом». Он принадлежал известному коллекционеру Свиныну. По нему и переулок называли. Отсюда и кличка обитателей: «утюги» и «волки Сухого оврага».

Забирают обходом мелкоту, беспаспортных, нищих и административно высланных. На другой же день их рассортируют: беспаспортных и административных через пересыльную тюрьму отправят в места приписки, в ближайшие уезды, а они через неделю опять в Москве. Придут этапом в какой-нибудь Зарайск, отметятся в полиции и в ту же ночь обратно. Нищие и барышники все окажутся москвичами или из подгородных слобод, и на другой день они опять на Хитровке, за своим обычным делом впредь до нового обхода.

И что им делать в глухом городишке? «Работы» никакой. Ночевать пустить всякий побоится, ночлежек нет, ну и пробираются в Москву и блаженствуют по-своему на Хитровке. В столице можно и украсть, и пострелять милостыньку, и ограбить свежего ночлежника; заманив с улицы или бульвара какого-нибудь неопытного беднягу бездомного, завести в подземный коридор, хлопнуть по затылку и раздеть догола. Только в Москве и житье! Куда им больше деваться с волчьим паспортом:³ ни тебе «работы», ни тебе ночлега.

³ Паспорт с отметкой, не дававшей права жительства в определенных местах.

Я много лет изучал трущобы и часто посещал Хитров рынок, завел там знакомства, меня не стеснялись и звали «газетчиком».

Многие из товарищей-литераторов просили меня сводить их на Хитров и показать трущобы, но никто не решался войти в «Сухой овраг» и даже в «Утюг». Войдем на крыльцо, спустимся несколько шагов вниз в темный подземный коридор – и просьтся назад.

Ни на кого из писателей такого сильного впечатления не производила Хитровка, как на Глеба Ивановича Успенского.

Работая в «Русских ведомостях», я часто встречался с Глебом Ивановичем. Не раз просиживали мы с ним подолгу и в компании и вдвоем, обеживали и вечера вместе проводили. Как-то Глеб Иванович обедал у меня, и за стаканом вина разговор пошел о трущобах.

– Ах, как бы я хотел посмотреть знаменитый Хитров рынок и этих людей, перешедших «рубикон жизни». Хотел бы, да боюсь. А вот хорошо, если б вместе нам отправиться!

Я, конечно, был очень рад сделать это для Глеба Ивановича, и мы в восьмом часу вечера (это было в октябре) подъехали к Солянке. Оставив извозчика, пешком пошли по грязной площади, окутанной осенним туманом, сквозь который мерцали тусклые окна трактиров и фонарики торговых-обжорков. Мы остановились на минутку около торговых, к которым подбегали полураздетые оборванцы, покупали зловонную пищу, причем непременно ругались из-за копейки или куска прибавки, и, съев, убегали в ночлежные дома.

Торговки, эти уцелевшие оглодки жизни, засаленные, грязные, сидели на своих горшках, согревая телом горячее кушанье, чтобы оно не простыло, и неистово вопили:

– Л-лап-ш-ша-лапшица! Студень свежий коровий! Оголовье! Свининка-рванинка вареная! Эй, кавалер, иди, на грош горла отрежу! – хрипит баба со следами ошибок молодости на конопатом лице.

– Горла, говоришь? А нос у тебя где?

– Нос? На кой мне ляд нос?

И запела на другой голос:

– Печенка-селезенка горячая! Рванинка!

– Ну, давай на семитку!

Торговка поднимается с горшка, открывает толстую сальную крышку, грязными руками вытаскивает «рванинку» и кладет покупателю на ладонь.

– Стюдию на копейку! – приказывает нищий в фуражке с подобием кокарды.

– Вот беда! Вот беда! – шептал Глеб Иванович, жадными глазами следил за происходящим и жался боязливо ко мне.

– А теперь, Глеб Иванович, зайдем в «Каторгу», потом в «Пересыльный», в «Сибирь», а затем пройдем по ночлежкам.

– В какую «Каторгу»?

– Так на хитровском жаргоне называется трактир, вот этот самый!

Пройдя мимо торговых, мы очутились перед низкой дверью трактира-низка в доме Ярошенко.

– Заходить ли? – спросил Глеб Иванович, держа меня под руку.

– Конечно!

Я отворил дверь, откуда тотчас же хлынул зловонный пар и гомон. Шум, ругань, драка, звон посуды...

Мы двинулись к столику, но навстречу нам с визгом пронеслась по направлению к двери женщина с окровавленным лицом и вслед за ней – здоровенный оборванец с криком:

– Измордую проклятую!

Женщина успела выскочить на улицу, оборванец был остановлен и лежал уже на полу: его «успокоили». Это было делом секунды.

В облаке пара на нас никто не обратил внимания. Мы сели за пустой грязный столик. Ко мне подошел знакомый буфетчик, будущий миллионер и домовладелец. Я приказал подать полбутылки водки, пару печеных яиц на закуску – единственное, что я требовал в трущобах.

Я протер чистой бумагой стаканчики, налил водки, очистил яйцо и чокнулся с Глебом Ивановичем, руки которого дрожали, а глаза выражали испуг и страдание.

Я выпил один за другим два стаканчика, съел яйцо, а он все сидит и смотрит.

– Да пейте же!

Он выпил и закашлялся.

– Уйдем отсюда... Ужас!

Я заставил его очистить яйцо. Выпили еще по стаканчику.

– Кто же это там?

За средним столом, обнявшись с пьяной девицей, сидел угощавший ее парень, наголо остриженный брюнет с перебитым носом.

Перед ним, здоровенный, с бычьей шеей и толстым бабьим лицом, босой, в хламиде наподобие рубахи, орал громоподобным басом «многая лета» бывший вышибала-пропойца.

Я объясняю Глебу Ивановичу, что это «фартовый» гуляет. А он все просит меня:

– Уйдем.

Расплатились, вышли.

– Позвольте пройти, – вежливо обратился Глеб Иванович к стоящей на тротуаре против двери на четвереньках мокрой от дождя и грязи бабе.

– Пошел в... Вишь, полон полусапожек...

И пояснила дальше хриплая и гнусавая баба историю с полусапожком, приправив крепким словом. Пыталась встать, но, не выдержав равновесия, шлепнулась в лужу.

Глеб Иванович схватил меня за руку и потащил на площадь, уже опустевшую и покрытую лужами, в которых отражался огонь единственного фонаря.

– И это перл творения – женщина! – думал вслух Глеб Иванович.

Мы шли. Нас остановил мрачный оборванец и протянул руку за подающим. Глеб Иванович полез в карман, но я задержал его руку и, вынув рублевую бумажку, сказал хитрованцу:

– Мелочи нет, ступай в лавочку, купи за пятак папирос, принеси сдачу, и я тебе дам на ночлег.

– Сейчас сбегая! – буркнул человек, зашлепал опорками по лужам, по направлению к одной из лавок, шагах в пятидесяти от нас, и исчез в тумане.

– Смотри, сюда неси папиросы, мы здесь подождем! – крикнул я ему вслед.

– Ладно, – слышалось из тумана.

Глеб Иванович стоял и хохотал.

– В чем дело? – спросил я.

– Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Так он и принес сдачу. Да еще папирос! Ха-ха-ха!

Я в первый раз слышал такой смех у Глеба Ивановича.

Но не успел он еще как следует нахохотаться, как зашлепали по лужам шаги, и мой посланный, задыхаясь, вырос перед нами и открыл громадную черную руку, на которой лежали папиросы, медь и сверкало серебро.

– Девяносто сдачи. Пятак себе взял. Вот и «Заря», десяток.

– Нет, постой, что же это? Ты принес? – спросил Глеб Иванович.

– А как же не принести? Что я, сбегу, что ли, с чужими-то деньгами. Нешто я... – уверенно выговорил оборванец.

– Хорошо... хорошо, – бормотал Глеб Иванович.

Я отдал оборванцу медь, а серебро и папиросы хотел взять, но Глеб Иванович сказал:

– Нет, нет, все ему отдай... Все. За его удивительную честность. Ведь это...

Я отдал оборванцу всю сдачу, а он сказал удивленно вместо спасибо только одно:

– Чудаки господа! Нешто я украду, коли поверили?

– Пойдем! Пойдем отсюда... Лучшего нигде не увидим. Спасибо тебе! – обернулся Глеб Иванович к оборванцу, поклонился ему и быстро потащил меня с площади. От дальнейшего осмотра ночлежек он отказался.

Многих из товарищей-писателей водил я по трущобам, и всегда благополучно. Один раз была неудача, но совершенно особого характера. Тот, о ком я говорю, был человек смелости испытанной, не побоявшийся ни «Утюга», ни «волков Сухого оврага», ни трактира «Каторга», тем более, что он знал и настоящую сибирскую каторгу. Словом, это был не кто иной, как знаменитый П. Г. Зайчневский, тайно пробравшийся из места ссылки на несколько дней в Москву. Как раз накануне Глеб Иванович рассказал ему о нашем путешествии, и он весь загорелся. Да и мне весело было идти с таким подходящим товарищем. Около полуночи мы быстро шагали по Свиныйскому переулку, чтобы прямо попасть в «Утюг», где продолжалось пьянство после «Каторги», закрывавшейся в одиннадцать часов. Вдруг солдатский шаг: за нами, вынырнув с Солянки, шагал взвод городских. Мы поскорее на площадь, а там из всех переулков стекаются взводами городские и окружают дома: облава на ночлежников.

Дрогнула рука моего спутника.

– Черт знает... Это уже хуже!

– Не бойся, Петр Григорьевич, шагай смелее!..

Мы быстро пересекли площадь. Подколокольный переулок, единственный, где не было полиции, вывел нас на Яузский бульвар. А железо на крышах домов уже гремело. Это «серьезные элементы» выбирались через чердаки на крышу и пластами укладывались около труб, зная, что сюда полиция не полезет...

Петр Григорьевич на другой день в нашей компании смеялся, рассказывая, как его испугали толпы городских. Впрочем, было не до смеху: вместо кулаковской «Каторги» он рисковал попасть опять в нерчинскую!

В «Кулаковку» даже днем опасно ходить – коридоры темные, как ночью. Помню, как-то я иду подземным коридором «Сухого оврага», чиркаю спичку и вижу – ужас! – из каменной стены, из гладкой каменной стены вылезает голова живого человека. Я остановился, а голова орет:

– Гаси, дьявол, спичку-то! Ишь шлятся!

Мой спутник задул в моей руке спичку и потащил меня дальше, а голова еще что-то бурчала вслед.

Это замаскированный вход в тайник под землей, куда не то что полиция – сам черт не полезет.

В восьмидесятых годах я был очевидцем такой сцены в доме Ромейко.

Зашел я как-то в летний день, часа в три, в «Каторгу». Разгул уже был в полном разгаре. Сажу с переписчиком ролей Кириным. Кругом, конечно, «коты» с «марухами». Вдруг в дверь влетает «кот» и орет:

– Эй, вы, зеленые ноги! Двадцать шесть!

Все насторожились и наострили лыжи, но ждут объяснения.

– В «Утюге» кого-то пришили. За полицией побежали...

– Гляди, сюда прихондорят!

Первым выбежал здоровенный брюнет. Из-под нахлобученной шапки виднелся затылок, правая половина которого обросла волосами много короче, чем левая. В те времена каторжным еще брили головы, и я понял, что ему надо торопиться. Выбежало еще человек с пяток, оставив «марух» расплачиваться за угощение.

Я заинтересовался и бросился в дом Ромейко, в дверь с площади. В квартире второго этажа, среди толпы, в луже крови лежал человек лицом вниз, в одной рубашке, обутый в лаки-

рованные сапоги с голенищами гармоникой. Из спины, под левой лопаткой, торчал нож, всаженный вплотную. Я никогда таких ножей не видал: из тела торчала большая, причудливой формы, медная блестящая рукоятка.

Убитый был «кот». Убийца – мститель за женщину. Его так и не нашли – знали, да не сказали, говорили: «хороший человек».

Пока я собирал нужные для газеты сведения, явилась полиция, пристав и местный доктор, общий любимец Д. П. Кувшинников.

– Ловкий удар! Прямо в сердце, – определил он.

Стали писать протокол. Я подошел к столу, разговариваю с Д. П. Кувшинниковым, с которым меня познакомил Антон Павлович Чехов.

– Где нож? Нож где?

Полиция засуетилась.

– Я его сам сию минуту видел. Сам видел! – кричал пристав. После немалых поисков нож был найден: его во время суматохи кто-то из присутствовавших вытащил и заложил за полбутылки в соседнем кабаке.

Чище других был дом Бунина, куда вход был не с площади, а с переулка. Здесь жило много постоянных хитрованцев, существовавших поденной работой вроде колки дров и очистки снега, а женщины ходили на мытье полов, уборку, стирку как поденщицы.

Здесь жили профессионалы-нищие и разные мастеровые, отрущобившиеся окончательно. Больше портные, их звали «раками», потому что они, голые, пропившие последнюю рубаху, из своих нор никогда и никуда не выходили. Работали день и ночь, перешивая тряпье для базара, вечно с похмелья, в отрепьях, босые.

А заработок часто бывал хороший. Вдруг в полночь вваливаются в «рачью» квартиру воры с узлами. Будят.

– Эй, вставай, ребята, на работу! – кричит разбуженный съемщик.

Из узлов вынимают дорогие шубы, лисьи ротонды и гору разного платья. Сейчас начинается кройка и шитье, а утром являются барышники и охапками несут на базар меховые шапки, жилеты, картузы, штаны.

Полиция ищет шубы и ротонды, а их уже нет: вместо них – шапки и картузы.

Главную долю, конечно, получает съемщик, потому что он покупатель краденого, а нередко и атаман шайки.

Но самый большой и постоянный доход давала съемщикам торговля вином. Каждая квартира – кабак. В стенах, под полом, в толстых ножках столов – везде были склады вина, разбавленного водой, для своих ночлежников и для их гостей. Неразбавленную водку днем можно было получить в трактирах и кабаках, а ночью торговал водкой в запечатанной посуде «шланбой».

В глубине бунинского двора был тоже свой «шланбой». Двор освещался тогда одним тусклым керосиновым фонарем. Окна от грязи не пропускали света, и только одно окно «шланбоя», с белой занавеской, было светлее других. Подходят кому надо к окну, стучат. Открывается форточка. Из-за занавесочки высовывается рука ладонью вверх. Приходящий кладет молча в руку полтинник. Рука исчезает и через минуту появляется снова с бутылкой смирновки, и форточка захлопывается. Одно дело – слов никаких. Тишина во дворе полная. Только с площади слышатся пьяные песни да крики «караул». Но никто не пойдет на помощь. Разденут, разуют и голым пустят. То и дело в переулках и на самой площади поднимали трупы убитых и ограбленных донага. Убитых отправляли в Мясницкую часть для судебного вскрытия, а иногда – в университет.

Помню, как-то я зашел в анатомический театр к профессору И. И. Нейдингу и застал его читающим лекцию студентам. На столе лежал труп, поднятый на Хитровом рынке. Осмотрев труп, И. И. Нейдинг сказал:

– Признаков насильственной смерти нет.

Вдруг из толпы студентов вышел старый сторож при анатомическом театре, знаменитый Волков, нередко помогавший студентам препарировать, что он делал замечательно умело.

– Иван Иванович, – сказал он, – что вы, признаков нет! Посмотрите-ка, ему в «лигаментум-нухе» насыпали! – Повернул труп и указал перелом шейного позвонка. – Нет уж, Иван Иванович, не было случая, чтобы с Хитровки присылали не убитых.

Много оставалось круглых сирот из рожденных на Хитровке. Вот одна из сценок восьмидесятых годов.

В туманную осеннюю ночь во дворе дома Буниных люди, шедшие к «шланбою», услышали стоны с помойки. Увидели женщину, разрешавшуюся ребенком.

Дети в Хитровке были в цене: их сдавали с грудного возраста в аренду, чуть не с аукциона, нищим. И грязная баба, нередко со следами ужасной болезни, брала несчастного ребенка, совала ему в рот соску из грязной тряпки с нажеванным хлебом и тащила его на холодную улицу. Ребенок, целый день мокрый и грязный, лежал у нее на руках, отравляясь соской, и стонал от холода, голода и постоянных болей в желудке, вызывая участие у прохожих к «бедной матери несчастного сироты». Бывали случаи, что дитя утром умирало на руках нищей, и она, не желая потерять день, ходила с ним до ночи за подаванием. Двухлетних водили за ручку, а трехлеток уже сам приучался «стрелять».

На последней неделе Великого поста грудной ребенок «покрикастее» ходил по четвертаку в день, а трехлеток – по гривеннику. Пятилетки бегали сами и приносили тяткам, мамкам, дяденькам и тетенькам «на пропой души» гривенник, а то и пятиалтынный. Чем больше становились дети, тем больше с них требовали родители и тем меньше им подавали прохожие.

Нищенствуя, детям приходилось снимать зимой обувь и отдавать ее караульщику за углом, а самим босиком метаться по снегу около выходов из трактиров и ресторанов. Приходилось добывать деньги всеми способами, чтобы дома, вернувшись без двугривенного, не быть избитым. Мальчишки, кроме того, стояли «на стреме», когда взрослые воровали, и в то же время сами подучивались у взрослых «работе».

Бывало, что босяки, рожденные на Хитровке, на ней и доживали до седых волос, исчезая временно на отсидку в тюрьму или дальнюю ссылку. Это мальчишки.

Положение девочек было еще ужаснее.

Им оставалось одно: продавать себя пьяным развратникам. Десятилетние пьяные проститутки были не редкость.

Они ютились больше в «вагончике». Это был крошечный одноэтажный флигелек в глубине владения Румянцева. В первой половине восьмидесятых годов там появилась и жила подолгу красавица, которую звали «княжна». Она исчезала на некоторое время из Хитровки, попадая за свою красоту то на содержание, то в «шикарный» публичный дом, но всякий раз возвращалась в «вагончик» и пропивала все свои сбережения. В «Каторге» она распевала французские шансонетки, танцевала модный тогда танец качучу.

В числе ее «ухажеров» был Степка Махалкин, родной брат известного гуслицкого разбойника Васьки Чуркина, прославленного даже в романе его имени.

Но Степка Махалкин был почище своего брата и презрительно называл его:

– Васька-то? Пустельга! Портяночник!

Как-то полиция арестовала Степку и отправила в пересыльную, где его заковали в кандалы. Смотритель предложил ему:

– Хочешь, сниму кандалы, только дай слово не бежать.

– Ваше дело держать, а наше дело бежать! А слова тебе не дам. Наше слово крепко, а я уже дал одно слово.

Вскоре он убежал из тюрьмы, перебравшись через стену.

И прямо – в «вагончик», к «княжне», которой дал слово, что придет. Там произошла сцена ревности. Махалкин избил «княжну» до полусмерти. Ее отправили в Павловскую больницу, где она и умерла от побоев.

* * *

В адресной книге Москвы за 1826 год в списке домовладельцев значится: «Свиньин, Павел Петрович, статский советник, по Певческому переулку, дом № 24, Мясницкой части, на углу Солянки».

Свиньин воспет Пушкиным: «Вот и Свиньин, Российский Жук». Свиньин был человек известный: писатель, коллекционер и владелец музея. Впоследствии город переименовал Певческий переулок в Свиньинский.⁴

На другом углу Певческого переулка, тогда выходившего на огромный, пересеченный оврагами, заросший пустырь, постоянный притон бродяг, прозванный «вольным местом», как крепость, обнесенная забором, стоял большой дом со службами генерал-майора Николая Петровича Хитрова, владельца пустопорожнего «вольного места» вплоть до нынешних Яузского и Покровского бульваров, тогда еще носивших одно название: «бульвар Белого города». На этом бульваре, как значилось в той же адресной книге, стоял другой дом генерал-майора Хитрова, № 39. Здесь жил он сам, а в доме № 24, на «вольном месте», жила его дворня, были конюшни, погреба и подвалы. В этом громадном владении и образовался Хитров рынок, названный так в честь владельца этой дикой усадьбы.

В 1839 году умер Свиньин, и его обширная усадьба и барские палаты перешли к купцам Расторгуевым, владевшим ими вплоть до Октябрьской революции.

Дом генерала Хитрова приобрел Воспитательный дом для квартир своих чиновников и перепродал его уже во второй половине прошлого столетия инженеру Ромейко, а пустырь, все еще населенный бродягами, был куплен городом для рынка. Дом требовал дорогого ремонта. Его окружение не вызывало охотников снимать квартиры в таком опасном месте, и Ромейко пустил его под ночлежки: и выгодно, и без всяких расходов.

Страшные трущобы Хитровки десятки лет наводили ужас на москвичей.

Десятки лет и печать, и дума, и администрация вплоть до генерал-губернатора, тщетно принимали меры, чтобы уничтожить это разбойное логово.

С одной стороны близ Хитровки – торговая Солянка с Опекунским советом, с другой – Покровский бульвар и прилегающие к нему переулки были заняты богатейшими особняками русского и иностранного купечества. Тут и Савва Морозов, и Корзинкины, и Хлебниковы, и Оловянишниковы, и Расторгуевы, и Бахрушины... Владельцы этих дворцов возмущались страшным соседством, употребляли все меры, чтобы уничтожить его, но ни речи, гремевшие в угоду им в заседаниях думы, ни дорого стоящие хлопоты у администрации ничего сделать не могли. Были какие-то тайные пружины, отжимавшие все их нападающие силы, – и ничего не выходило. То у одного из хитровских домовладельцев рука в думе, то у другого – друг в канцелярии генерал-губернатора, третий сам занимает важное положение в делах благотворительности.

И только Советская власть одним постановлением Моссовета смахнула эту не излечимую при старом строе язву и в одну неделю в 1923 году очистила всю площадь с окружающими ее вековыми притонами, в несколько месяцев отделала под чистые квартиры недавние

⁴ Теперь Астаховский.

трущобы и заселила их рабочим и служащим людом. Самую же главную трущобу «Кулаковку» с ее подземными притонами в «Сухом овраге» по Свиныйскому переулку и огромным «Утюгом» срыла до основания и заново застроила. Все те же дома, но чистые снаружи... Нет заткнутых бумагой или тряпками или просто разбитых окон, из которых валит пар и несется пьяный гул... Вот дом Орлова – квартиры нищих-профессионалов и место ночлега новичков, еще пока ищущих поденной работы... Вот рядом огромные дома Румянцева, в которых было два трактира – «Пересыльный» и «Сибирь», а далее, в доме Степанова, трактир «Каторга», когда-то принадлежавший знаменитому укрывателю беглых и разбойников Марку Афанасьеву, а потом перешедший к его приказчику Кулакову, нажившему состояние на насиженном своим старым хозяином месте.

И в «Каторге» нет теперь двери, из которой валил, когда она отворялась, пар и слышались дикие песни, звон посуды и вопли поножовщины. Рядом с ним дом Буниных – тоже теперь сверкает окнами... На площади не толпятся тысячи оборванцев, не сидят на корчагах торговли, грязные и пропахшие тухлой селедкой и разлагающейся бульонкой и требухой. Идет чинно народ, играют дети... А еще совсем недавно круглые сутки площадь мельтешилась толпами оборванцев. Под вечер метались и галдели пьяные со своими «марухами». Не видя ничего перед собой, шатались нанюхавшиеся «марафету» кокаинисты обоих полов и всех возрастов! Среди них были рожденные и выращенные здесь же подростки-девочки и полуголые «огольцы» – их кавалеры.

«Огольцы» появлялись на базарах, толпой набрасывались на торговков и, опрокинув лоток с товаром, а то и разбив палатку, расхватывали товар и исчезали врассыпную.

Степенью выше стояли «поездошники», их дело – выхватывать на проездах бульваров, в глухих переулках и на темных вокзальных площадях из верха пролетки саки и чемоданы... За ними «фортачи», ловкие и гибкие ребята, умеющие лазить в форточку, и «ширмачи», бесшумно лазившие по карманам у человека в застегнутом пальто, заторкав и затырив его в толпе. И по всей площади – нищие, нищие... А по ночам из подземелий «Сухого оврага» выползали на фарт «деловые ребята» с фомками и револьверами... Толкались и «портяночники», не брезговавшие сорвать шапку с прохожего или у своего же хитрована-нищего отнять суму с куском хлеба.

Ужасные иногда были ночи на этой площади, где сливались пьяные песни, визг избиваемых «марух» да крики «караул». Но никто не рисковал пойти на помощь: раздетого и разутого голым пустят да еще избьют за то, чтобы не лез куда не следует.

Полицейская будка ночью была всегда молчалива – будто ее и нет. В ней лет двадцать с лишком губернаторствовал городской Рудников, о котором уже рассказывалось. Рудников ночными бездоходными криками о помощи не интересовался и двери в будке не отпирал.

Раз был такой случай. Запутался по пьяному делу на Хитровке сотрудник «Развлечения» Епифанов, вздумавший изучать трущобы. Его донага раздели на площади. Он – в будку. Стучит, гремит, «караул» кричит. Да так голый домой и вернулся. На другой день, придя в «Развлечение» просить аванс по случаю ограбления, рассказывал финал своего путешествия: огромный будочник, босой и в одном белье, которому он назвался дворянином, выскочил из будки, повернул его к себе спиной и гаркнул: «Всякая сволочь по ночам будет беспокоить!» – и так наподдал ногой – спасибо, что еще босой был, – что Епифанов отлетел далеко в лужу...

Никого и ничего не боялся Рудников. Даже сам Кулаков, со своими миллионами, которого вся полиция боялась, потому что «с Иваном Петровичем генерал-губернатор за ручку здоровался», для Рудникова был ничто. Он прямо являлся к нему на праздник и, получив от него сотенную, гремел:

– Ванька, ты шутишь, что ли? Аль забыл? А?..

Кулаков, принимавший поздравителей в своем доме, в Свиныйском переулке, в мундире с орденами, вспоминал что-то, трепетал и лепетал:

– Ах, извините, дорогой Федот Иванович.

И давал триста.

Давно нет ни Рудникова, ни его будки.

Дома Хитровского рынка были разделены на квартиры – или в одну большую, или в две-три комнаты, с нарами, иногда двухэтажными, где ночевали бездомники без различия пола и возраста. В углу комнаты – каморка из тонких досок, а то просто ситцевая занавеска, за которой помещаются хозяин с женой. Это всегда какой-нибудь «пройди свет» из отставных солдат или крестьян, но всегда с «чистым» паспортом, так как иначе нельзя получить право быть съемщиком квартиры. Съемщик никогда не бывал одинокий, всегда вдвоем с женой и никогда – с законной. Законных жен съемщики оставляли в деревне, а здесь заводили сожительниц, аборигенов Хитровки, нередко беспаспортных...

У каждого съемщика своя публика: у кого грабители, у кого воры, у кого «рвань коричневая», у кого просто нищая братия.

Где нищие, там и дети – будущие каторжники. Кто родился на Хитровке и ухитрился вырасти среди этой ужасной обстановки, тот кончит тюрьмой. Исключения редки.

Самый благонамеренный элемент Хитровки – это нищие. Многие из них здесь родились и выросли; и если по убожеству своему и никчемности они не сделались ворами и разбойниками, а так и остались нищими, то теперь уж ни на что не променяют своего ремесла.

Это не те нищие, случайно потерявшие средства к жизни, которых мы видели на улицах: эти наберут едва-едва на кусок хлеба или на ночлег. Нищие Хитровки были другого сорта.

В доме Румянцева была, например, квартира «странников». Здоровеннейшие, опухшие от пьянства детины с косматыми бородами; сальные волосы по плечам лежат, ни гребня, ни мыла они никогда не видывали. Это монахи небывалых монастырей, пилигримы, которые век свой ходят от Хитровки до церковной паперти или до замоскворецких купчих и обратно.

После пьяной ночи такой страховидный дядя вылезает из-под нар, просит в кредит у съемщика стакан сивухи, облекается в страннический подрясник, за плечи ранец, набитый тряпьем, на голову скуфейку и босиком, иногда даже зимой по снегу, для доказательства своей святости, шагает за сбором.

И чего-чего только не наврет такой «странник» темным купчихам, чего только не всучит им для спасения души! Тут и щепочка от гроба Господня, и кусочек лестницы, которую праотец Иаков во сне видел, и упавшая с неба чека от колесницы Ильи-пророка.

Были нищие, собиравшие по лавкам, трактирам и торговым рядам. Их «служба» – с десяти утра до пяти вечера. Эта группа и другая, называемая «с ручкой», рыскающая по церквам, – самые многочисленные. В последней – бабы с грудными детьми, взятыми напрокат, а то и просто с поленом, обернутым в тряпку, которое они нежно баюкают, прося на бедного сиротку. Тут же настоящие и поддельные слепцы и убогие.

А вот – аристократы. Они жили частью в доме Орлова, частью в доме Бунина. Среди них имелись и чиновники, и выгнанные со службы офицеры, и попы-расстриги.

Они работали коллективно, разделив московские дома на очереди. Перед ними адрес-календарь Москвы.

Нищий-аристократ берет, например, правую сторону Пречистенки с переулками и пишет двадцать писем-слезниц, не пропустив никого, в двадцать домов, стоящих внимания. Отправив письмо, на другой день идет по адресам. Звонит в парадное крыльцо: фигура аристократическая, костюм, взятый напрокат, приличный. На вопрос швейцара говорит:

– Вчера было послано письмо по городской почте, так ответа ждут.

Выносят пакет, а в нем бумажка от рубля и выше.

В надворном флигеле дома Ярошенко квартира № 27 называлась «писучей» и считалась самой аристократической и скромной на всей Хитровке. В восьмидесятих годах здесь жили даже «князь с княгиней», слепой старик с беззубой старухой женой, которой он диктовал, иногда по-французски, письма к благодетелям, своим старым знакомым, и получал иногда довольно крупные подачки, на которые подкармливал голодных переписчиков. Они звали его «ваше сиятельство» и относились к нему с уважением. Его фамилия была Львов, по документам он значился просто дворянином, никакого княжеского звания не имел; в князя его произвели переписчики, а затем уж и остальная Хитровка. Он и жена – запойные пьяницы, но когда были трезвые, держали себя очень важно и на вид были весьма представительны, хотя на «князе» было старое тряпье, а на «княгине» – бурнус, зачиненный разноцветными заплатами.

Однажды приехали к ним родственники откуда-то с Волги и увезли их, к крайнему сожалению переписчиков и соседей-нищих.

Проживал там также горчайший пьяница, статский советник, бывший мировой судья, за что хитрованцы, когда-то не раз судившиеся у него, прозвали его «цепной», намекая на то, что судьи при исполнении судебных обязанностей надевали на шею золоченую цепь.

Рядом с ним на нарах спал его друг Добронравов, когда-то подававший большие надежды литератор. Он печатал в мелких газетах романы и резкие обличительные фельетоны. За один из фельетонов о фабрикантах он был выслан из Москвы по требованию этих фабрикантов. Добронравов берег у себя, как реликвию, наклеенную на папку вырезку из газеты, где был напечатан погубивший его фельетон под заглавием «Раешник». Он прожил где-то в захолустном городишке на глубоком севере несколько лет, явился в Москву на Хитров и навсегда поселился в этой квартире. На вид он был весьма представительный и в минуты трезвости говорил так, что его можно было заслушаться.

Вот за какие строки автор «Раешника» был выслан из Москвы:

«...Пожалте сюда, поглядите-ка. Хитра купецкая политика. Не хлыщ, не франт, а миллионщик-фабрикант, попить, погулять охочий на каторжный труд, на рабочий. Видом сам аванажный, вывел корпус пятиэтажный, ткнут, снуют да мотають, тысячи людей на него одного работают. А народ-то фабричный, ко всякой беде привычный, кости да кожа, да испитая рожа. Плохая кормежка да рваная одежка. И подводит живот да бока у рабочего паренька.

Сердешные!

А директора беспечные по фабрике гуляют, на стороне не дозволяют покупать продукты: примерно, хочешь лук ты – посылай сынишку забирать на книжку в заводские лавки, там, мол, без надбавки!

Дешево и гнило!

А ежели нутро заговорило, не его, вишь, вина, требует вина, тоже дело – табак, опять беги в фабричный кабак, хозяйское пей, на другом будешь скупей. А штука не мудра, дадут в долг и полведра.

А в городе хозяин вроде как граф, на пользу ему и штраф, да на прибыль и провизия – кругом, значит, в ремизе я. А там на товар процент, куда ни глянь, все дивиденд. Нигде своего не упустим, такого везде «Петра Кириллова» запустим. Лучше некуда!»

Рядом с «писучей» ночлежкой была квартира «подшибал». В старое время типографчики наживали на подшибалах большие деньги. Да еще говорили, что благоденствие делают: «Куда ему, голому да босому, деваться! Что ни дай – все пропъет!»

* * *

Разрушение «Свиного дома», или «Утюга», а вместе с ним и всех флигелей «Кулаковки» началось с первых дней революции. В 1917 году ночлежники «Утюга» все, как один, наотрез отказались платить съемщикам квартир за ночлег, и съемщики, видя, что жаловаться некому, бросили все и разбежались по своим деревням. Тогда ночлежники первым делом разломали каморки съемщиков, подняли доски пола, где разыскивали целые склады бутылок с водкой, а затем и самые стенки каморок истопили в печках. За ночлежниками явились учреждения и все деревянное, до решетника крыши, увезли тоже на дрова. В домах без крыш, окон и дверей продолжал ютиться самый оголтелый люд. Однако подземные тайники продолжали оставаться нетронутыми. «Деловые» по-прежнему выходили на фарт по ночам. «Портяночники» – днем и в сумерки. Первые делали набеги вдали от своей «хазы», вторые грабили в потемках пьяных и одиночек и своих же нищих, появлявшихся вечером на Хитровской площади, а затем разграбили и лавчонки на Старой площади.

Это было голодное время гражданской войны, когда было не до Хитровки.

По Солянке было рискованно ходить с узелками и сумками даже днем, особенно женщинам: налетали хулиганы, выхватывали из рук узелки и мчались в Свиный переулок, где на глазах преследователей исчезали в безмолвных горах кирпичей. Преследователи останавливались в изумлении – и вдруг в них летели кирпичи. Откуда – неизвестно... Один, другой... Иногда проходившие видели дымок, вьющийся из мусора.

– Утюги кашу варят!

По вечерам мельтешили тени. Люди с чайниками и ведерками шли к реке и возвращались тихо: воду носили.

Но пришло время – и Моссовет в несколько часов ликвидировал Хитров рынок.

Совершенно неожиданно весь рынок был окружен милицией, стоявшей во всех переулках и у ворот каждого дома. С рынка выпускали всех – на рынок не пускали никого. Обитатели были заранее предупреждены о предстоящем выселении, но никто из них и не думал оставлять свои «хазы».

Милиция, окружив дома, предложила немедленно выселяться, предупредив, что выход свободный, никто задержан не будет, и дала несколько часов сроку, после которого «будут приняты меры». Только часть нищих-инвалидов была оставлена в одном из надворных флигелей «Румянцевки»...

Штурман дальнего плавания

Был в начале восьмидесятых годов в Москве очень крупный актер и переводчик Сарду Н. П. Киреев. Он играл в Народном театре на Солянке и в Артистическом кружке. Его сестра, О. П. Киреева, – оба они были народники – служила акушеркой в Мясницкой части, была любимицей соседних трущоб Хитрова рынка, где ее все звали по имени и отчеству; много восприняла она в этих грязных ночлежках будущих нищих и воров, особенно, если, по несчастью, дети родились от матерей замужних, считались законными, а потому и не принимались в воспитательный дом, выстроенный исключительно для незаконнорожденных и подкидышей. Врачом полицейским был такой же, как Ольга Петровна, благодетель хитровской рвани, описанный портретно в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья», – Д. П. Кувшинников, нарочно избравший себе этот участок, чтобы служить бедноте. О. П. Киреева была знакома с нашей семьей, и часто ее маленькая дочка Леля бывала у нас, и мы с женой бывали в ее маленькой квартирке в третьем этаже промозглого грязно-желтого здания, под самой каланчой. Внизу была большая квартира доктора, где я не раз бывал по субботам, где у Софьи Петровны, супруги доктора, страстной поклонницы литераторов и художников,⁵ устраивались вечеринки, где читали, рисовали и потом ужинали. Бывал там и А. П. Чехов, и его брат, художник Николай, и И. Левитан, – словом, весь наш небольшой кружок «начинающих» и не всегда вкусно сытых молодых будущих...

Как-то днем захожу к Ольге Петровне. Она обмывает в тазике покрытую язвами ручонку двухлетнего ребенка, которого держит на руках грязная нищенка, баба лет сорока. У мальчика совсем отгнили два пальца: средний и безымянный. Мальчик тихо всхлипывал и тарасил на меня глаза: правый глаз был зеленый, левый – карий. Баба ругалась: «У, каторжный, дармоедина! Удавить тебя мало».

Я прошел в следующую комнату, где кипел самовар.

Вернувшись, Ольга Петровна рассказала мне обыкновенную хитровскую историю: на помойке ночлежки нашли солдатку-нищенку, где она разрешилась от бремени этим самым младенцем. Когда Ольгу Петровну позвали, мать была уже мертвой. Младенец был законнорожденный, а потому его не приняли в воспитательный дом, а взяла его ночлежница-нищенка и стала с ним ходить побираться. Заснула как-то пьяная на Рождество на улице, и отморозил ребенок два пальца, которые долго гнили, а она не лечила – потому подавали больше: высунет он перед прохожим изъязвленную руку... ну и подают сердобольные... А раз Сашка Кочерга наткнулась на полицию, и ее отправили в участок, а оттуда к Ольге Петровне, которая ее знала хорошо, на перевязку.

Плохой, лядащий мальчонок был; до трех лет за грудного выдавала и раз нарвалась: попросила на улице у проходившего начальника сыскной полиции Эффенбаха помочь грудному ребенку.

– Грудной, говоришь? Что-то велик для грудного...

Высунулся малый из тряпок и тычет культипой ручонкой – будто козу делает...

– А тебе сто за дело?.. Сволось эдакая... Посел к...

Кончилось отправлением в участок, откуда малого снесли в ночлежку, а Сашку Кочергу препроводили по характеру болезни в Мясницкую больницу, и больше ее в ночлежке не видали.

Вскоре Коську стали водить нищенствовать за ручку – перевели в «пешие стрелки». Заботился о Коське дедушка Иван, старик ночлежник, который заботился о матери, брал ее с

⁵ С нее А. Чехов написал «Попрыгунью». – Примеч. авт.

собой на все лето по грибы. Мать умерла, а ребенок родился 22 февраля, почему и окрестил его дедушка Иван Касьяном.

– Касьян праведный! – звал его потом старик за странность характера: он никогда не лгал.

И сам старик был такой.

– Правдой надо жить, неправдой не проживешь! – попрекал он Сашку Кочергу, а Коська слушал и внимал.

Три года водил за ручку Коську старик по зимам на церковные паперти, а летом уходил с ним в Сокольники и дальше, в Лосиный остров по грибы и тем зарабатывал пропитание. Тут Коська от него и о своей матери узнал. Она по зимам занималась стиркой в ночлежках, куда приходили письма от мужа ее, солдата, где-то за Ташкентом, а по летам собирала грибы и носила в Охотный. Когда Коське минуло шесть лет, старик умер в больнице. Остался Коська один в ночлежке. Малый бойкий, ловкий и от лесной жизни сильный и выносливый. Стал нищенствовать по ночам у ресторанов «в разувку» – бегаёт босой по снегу, а за углом у товарища валенки. Потом сошелся с карманниками, стал «работать» на Сухаревке и по вагонам конки, но сам в карманы никогда не лазил, а только был «убегалой», то есть ему передавали кошелек, а он убегал. Ему верили: никогда ни копейки не возьмет. Потом на стреме стал стоять. Но стоило городовому спросить: «Что ты тут делаешь, пащенок?» – он обязательно всю правду ахнет: «Калаулю. Там наши лебята лавку со двора подламывают».

Уж и били его воры за правду, а он все свое. Почему такая правда жила в ребенке – никто не знал. Покойный старик грибник объяснял по-своему эту черту своего любимца:

– Касьяном зову – потому и не врет. Такие в три года один раз родятся... Касьяны все правдивые бывают!..

Коська слышал эти слова его часто и еще правдивее становился...

Умер старик, прогнали Коську из ночлежки, прижился он к подзаборной вольнице, которая шайками ходила по рынкам и ночевала в помойках, в пустых подвалах под Красными воротами, в башнях на Старой площади, а летом в парке и Сокольниках, когда тепло, когда «каждый кустик ночевать пустит».

Любимое место у них было под Сокольниками, на Ширяевом поле, где тогда навезли целые бунты толстенных чугунных труб для готовившейся в Москве канализации.

Тут жили и взрослые бродяги, и детвора бездомная. Ежели заглянуть днем во внутренность труб, то там лежат стружки, солома, рогожи, бумага афишная со столбов, тряпье... Это постели ночлежников.

Коська со своей шайкой жил здесь, а потом все «переехали» на Балкан, в подземелья старого водопровода. Так бродячая детвора, промышлявшая мелким воровством, чтобы кое-как пожрать только, ютилась и существовала. Много их попадало в Рукавишниковский исправительный приют, много их высылали на родину, а шайки росли и росли, пополняемые трущобами, где плодилась нищета, и беглыми мальчишками из мастерских, где подчас жизнь их была невыносима. И кто вынесет побои колодкой по голове от пьяного сапожника и тому подобные способы воспитания, веками внедрявшиеся в обиход тогдашних мастерских, куда приводили из деревень и отдавали мальчуганов по контракту в ученье на года, чтобы с хлеба долой! И не все выносили эту пятилетнюю кабалу впроголодь, в побоях. Целый день полуголодный, босой или в рваных опорках зимой, видит малый на улицах вольных ребятишек и пристает к ним... И бежали в трущобу, потому что им не страшен ни холод, ни голод, ни тюрьма, ни побои... А ночевать в мусорной яме или в подвале ничуть не хуже, чем у хозяина в холодных сенях на собачьем положении. Здесь спи сколько влезет, пока брюхо хлеба не запросит, здесь никто не разбудит до света пинком и руганью.

– Чего дрыхнешь, сволочь! Вставай, дармоедище! – визжит хозяйка.

И десятилетний «дармоедище» начинает свой рабочий день, таща босиком по снегу или грязи на помойку полную лоханку больше себя.

Ольге Петровне еще раз пришлось повидать своего пациента. Он караулил на остановке конки у Страстного и ожидал, когда ему передадут кошелек... Увидал он, как протискивалась на площадку Ольга Петровна, как ее ребята «затырили» и свистнули ее акушерскую сумочку, как она хватилась и закричала отчаянным голосом...

Через минуту Коське передали сумочку, и он убежал с ней стремглав, но не в условленное место, в Поляковский сад на Бронной, где ребята обыкновенно «тырбанили слам», а убежал он по бульварам к Трубе, потом к Покровке, а оттуда к Мясницкой части, где и сел у ворот, в сторонке. Спрятал под лохмотья сумку и ждет.

Показывается Ольга Петровна, идет, шатается как-то... Глаза заплаканы... В ворота... По двору... Он за ней, догоняет на узкой лестнице и окликает:

– Ольга Петровна.

Остановилась. Спрашивает:

– Ты что, Коська? – А сама плачет...

– Ольга Петровна. Вот ваша сумка, все цело, ни синь пороха не тронута...

– Это был счастливейший день в моей жизни, во всей моей жизни, – рассказывала она мне.

Оказывается, что в сумке, кроме инструментов, были казенные деньги и документы. Пропажа сумки была погубелью для нее: под суд!

– Коська сунул мне в руку сумку и исчез... Когда я выбежала за ним на двор, он был уже в воротах и убежал, – продолжала она.

Через год она мне показала единственное письмо от Коськи, где он сообщает – письмо писано под его диктовку, – что пришлось убежать от своих «ширмачей», «потому, что я их обманул и что правду им сказать было нельзя... Убежал я в Ярославль, доехал под вагоном, а оттуда попал летом в Астрахань, где работаю на рыбных промыслах, а потом обещали меня взять на пароход. Я выучился читать».

Это было последнее известие о Коське.

Давно умерла Ольга Петровна...

* * *

1923 год. Иду в домком. В дверях сталкиваюсь с человеком в черной шинели и тюленьей кепке.

– Извиняюсь.

– Извиняюсь.

Он поднимает левую руку, придерживая дверь, и я вижу перед собой только два вытянутых пальца – указательный и мизинец, а двух средних нет. Улыбающееся, милое, чисто выбритое лицо, и эти пальцы...

Мы извинились и разошлись.

За столом управляющий. Сажусь.

– Встретили вы сейчас интересного человека?

– Да, пальцев на руке нет. Будто козу кажет!

– Что пальцы? А глаза-то у него какие: один – зеленый, а другой – карий... И оба смеются...

– Наш жилец?

– К сожалению, нет. Приходил отказываться от комнаты. Третьего дня отвели ему в № 6 по ордеру комнату, а сегодня отказался. Какой любезный! Вызывают на Дальний Восток, в плавание. Только что приехал, и вызывают. Моряк он, всю жизнь в море пробыл. В Америке,

в Японии, в Индии... Наш, русский, старый революционер 1905 года... Заслуженный. Какие рекомендации! Жаль такого жильца... Мы бы его сейчас в председатели заперли...

– Интересный? – говорю.

– Да, очень. Вот от него мне памятка осталась. Тогда я ему бланк нашей анкеты дал, он написал, а я прочел и усомнился. А он говорит: «Все правда. Как написано – так и есть. Врать не умею».

Управляющий передает мне нашу домовую анкету. Читаю по рубрикам:

«Касьян Иванович Иванов, 45 лет.

Место рождения: Москва, дом Ромейко на Хитровке.

Мать: солдатка-нищенка.

Отец: неизвестный».

А в самом верху анкеты, против рубрики «Должность» написано: «Штурман дальнего плавания».

Сухаревка

Сухаревка – дочь войны. Смоленский рынок – сын чумы. Он старше Сухаревки на 35 лет. Он родился в 1777 году. После московской чумы последовал приказ властей продавать подержанные вещи исключительно на Смоленском рынке и то только по воскресеньям во избежание разнесения заразы.

После войны 1812 года, как только стали возвращаться в Москву москвичи и начали разыскивать свое разграбленное имущество, генерал-губернатор Растопчин издал приказ, в котором объявил, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской башни». И в первое же воскресенье горы награбленного имущества запрудили огромную площадь, и хлынула Москва на невиданный рынок.

Это было торжественное открытие вековой Сухаревки. Сухарева башня названа Петром I в честь Сухарева, стрелецкого полковника, который единственный со своим полком остался верен Петру во время стрелецкого бунта.

Высоко стояла вековая Сухарева башня с ее огромными часами. Издалека было видно. В верхних ее этажах помещались огромные цистерны водопровода, снабжавшего водой Москву.

Много легенд ходило о Сухаревой башне: и «колдун Брюс» делал там золото из свинца, и черная книга, написанная дьяволом, хранилась в ее тайниках. Сотни разных легенд – одна нелепее другой.

По воскресеньям около башни кипел торг, на который, как на праздник, шла вся Москва, и подмосковный крестьянин, и заезжий провинциал.

Против роскошного дворца Шереметевской больницы вырастали сотни палаток, раскинутых за ночь на один только день. От рассвета до потемок колыхалось на площади море голов, оставляя узкие дорожки для проезда по обеим сторонам широченной в этом месте Садовой улицы. Толклось множество народа, и у всякого была своя цель.

Сюда в старину москвичи ходили разыскивать украденные у них вещи, и не безуспешно, потому что исстари Сухаревка была местом сбыта краденного. Вор-одиночка тащил сюда под полой «стыренные» вещи, скупщики возили их возами. Вещи продавались на Сухаревке дешево, «по случаю». Сухаревка жила «случаем», нередко несчастным. Сухаревский торговец покупал там, где несчастье в доме, когда все нипочем; или он «укупит» у не знающего цену нуждающегося человека, или из-под полы «товарца» приобретет, а этот «товарец» иногда дымом поджога пахнет, иногда и кровью облит, а уж слезами горькими – всегда. За бесценок купит и дешево продает.

Лозунг Сухаревки: «На грош пятаков!»

Сюда одних гнала нужда, других – азарт наживы, а третьих – спорт, опять-таки с девизом «на грош пятаков». Один нес последнее барахло из крайней нужды и отдавал за бесценок: окружают барышники, чуть не силой вырвут. И тут же на глазах перепродадут втридорога. Вор за бесценок – только бы продать поскорее – бросит тем же барышникам свою добычу. Покупатель необходимого являлся сюда с последним рублем, зная, что здесь можно дешево купить, и в большинстве случаев его надували. Недаром говорили о платье, мебели и прочем: «Сухаревской работы!»

Ходили сюда и московские богачи с тем же поиском «на грош пятаков».

Я много лет часами ходил по площади, заходил к Бакастову и в другие трактиры, где с утра воры и бродяги дуются на бильярде или в азартную биксу или фортунку, знакомился с

этим людям и изучал разные стороны его быта. Чаще всего я заходил в самый тихий трактир, низок Григорьева, посещавшийся более скромной Сухаревской публикой: тут игры не было, значит, и воры не заходили.

Я подружился с Григорьевым, тогда еще молодым человеком, воспитанным и образованным самоучкой. Жена его, вполне интеллигентная, стояла за кассой, получая деньги и гремя трактирными медными марками – деньгами, которые выбрасывали из «лопаточников» (бумажников) юркие ярославцы-половые в белых рубашках.

Я садился обыкновенно направо от входа, у окна, за хозяйский столик вместе с Григорьевым и беседовал с ним часами. То и дело подбегал к столу его сын, гимназист-первоклассник, с восторгом показывал купленную им на площади книгу (он увлекался «путешествиями»), брал деньги и быстро исчезал, чтобы явиться с новой книгой.

Кругом, в низких прокуренных залах, галдели гости, к вечеру уже подвыпившие. Среди них сновали торгаши с мелочным товаром, бродили вокруг столов случайно проскользнувшие нищие, гремели кружками монашки-сборщицы.

Влетает оборванец, выпивает стакан водки и хочет убежать. Его задерживают половые. Скандал. Кликнули с поста городского, важного, толстого. Узнав, в чем дело, он плюет и, уходя, ворчит:

– Из-за пятака правительство беспокоить!

Изредка заходили сыщики, но здесь им делать было нечего. Мне их указывал Григорьев и много о них говорил. И многое из того, что он говорил, мне пригодилось впоследствии.

У Григорьева была большая прекрасная библиотека, составленная им исключительно на Сухаревке. Сын его, будучи студентом, участвовал в революции. В 1905 году он был расстрелян царскими войсками. Тело его нашли на дворе Пресненской части, в гряде трупов. Отец не пережил этого и умер. Надо сказать, что и ранее Григорьев считался неблагонадежным и иногда открыто воевал с полицией и ненавидел сыщиков...

Настоящих сыщиков до 1881 года не было, потому что сыскная полиция как учреждение образовалась только в 1881 году. До тех пор сыщиками считались только два пристава – Замайский и Муравьев, имевшие своих помощников из числа воров, которым мирволили в мелких кражах, а крупные преступления они должны были раскрывать и важных преступников ловить. Кроме этих двух, был единственно знаменитый в то время сыщик Смолин, бритый плотный старик, которому поручались самые важные дела. Центр района его действия была Сухаревка, а отсюда им были раскинуты нити повсюду, и он один только знал все. Его звали «Сухаревский губернатор».

Десятки лет он жил на 1-й Мещанской в собственном двухэтажном домике вдвоем со старухой прислужгой. И еще, кроме мух и тараканов, было только одно живое существо в его квартире – это состарившаяся с ним вместе большущая черепаха, которую он кормил из своих рук, сажал на колени, и она ласкалась к нему своей голой головой с умными глазами. Он жил совершенно одиноко, в квартире его – все знали – было много драгоценностей, но он никого не боялся: за него горой стояли громилы и берегли его, как он их берег, когда это было возможно. У него в доме никто не бывал: принимал только в сенях. Дружил с ворами, громилами и главным образом с шулерами, бывая в игорных домах, где его не стеснялись. Он знал все, видел все – и молчал. Разве уж если начальство прикажет разыскать какую-нибудь дерзкую кражу, особенно у известного лица, – ну, разыщет, сами громилы скажут и своего выдадут...

Был с ним курьезный случай: как-то украли медную пушку из Кремля, пудов десяти весу, и приказало ему начальство через три дня пушку разыскать. Он всех воров на ноги.

– Чтоб была у меня пушка! Свалите ее на Антроповых ямах в бурьян... Чтоб завтра пушка оказалась, где приказано.

На другой день пушка действительно была на указанном пустыре. Начальство перевезло ее в Кремль и водрузило на прежнем месте, у стены. Благодарность получил.

Уже много лет спустя выяснилось, что пушка для Смолина была украдена другая, с другого конца кремлевской стены послушными громилами, принесена на Антроповы ямы и возвращена в Кремль, а первая так и исчезла.

В преклонных годах умер Смолин бездетным. Пережила его только черепаха. При описи имущества, которое в то время, конечно, не все в опись попало, найдено было в его спальне два ведра золотых и серебряных часов, цепочек и портсигаров.

Громили и карманники очень соболезновали:

– Сколько добра-то у нас пропало! Оно ведь все наше добро-то было... Ежели бы знать, что умрет Андрей Михайлович, – прямо голыми руками бери!

Десятки лет околачивался при кварталах сыщиком Смолин. Много легенд по Сухаревке ходило о нем. Еще до русско-турецкой войны в Златоустенском переулке в доме Медынцева совершенно одиноко жил богатый старик индеец. Что это был за человек, никто не знал. Кто говорил, что он торгует восточными товарами, кто его считал за дисконтера. Кажется, то и другое имело основание. К нему иногда ходили какие-то восточные люди, он был окружен сплошной тайной. Восточные люди вообще жили тогда в подворьях Ильинки и Никольской. И он жил в таком переулке, где днем торговля идет, а ночью ни одной души не увидишь. Кому какое дело – живет индеец и живет! Мало ли какого народа в Москве.

Вдруг индейца нашли убитым в квартире. Все было снаружи в порядке: следов грабежа не видно. В углу, на столике, стоял аршинный Будда литого золота; замки не взломаны. Явилась полиция для розысков преступников. Драгоценности целыми сундуками направили в хранилище Сиротского суда: бриллианты, жемчуг, золото, бирюза – мерами! Напечатали объявление о вызове наследников. Затрговала Сухаревка! Бирюзу горстями покупали, жемчуг... бриллианты...

Дело о задушенном индейце в воду кануло, никого не нашли. Наконец года через два явился законный наследник – тоже индеец, но одетый по-европейски. Он приехал с деньгами, о наследстве не говорил, а цель была одна – разыскать убийц дяди. Его сейчас же отдали на попечение полиции и Смолина.

Смолин первым делом его познакомил с восточными людьми Пахро и Абазом, и давай индейца для отыскивания следов по шулерским мельницам таскать – выучил пить и играть в модную тогда стуюлку... Запутали, закружили юношу. В один прекрасный день он поехал ночью из игорного притона домой – да и пропал. Поговорили и забыли.

А много лет спустя как-то в дружеском разговоре с всеведущим Н. И. Пастуховым я заговорил об индейце. Оказывается, он знал много, писал тогда в «Современных известиях», но об индейце генерал-губернатором было запрещено даже упоминать.

– Кто же был этот индеец? – спрашиваю.

– Темное дело. Говорят, какой-то скрывавшийся глава секты душителей.

– Отчего же запретил о нем писать генерал-губернатор?

– Да оттого, что в спальне у Закревского золотой Будда стоял!

– Разве Закревский был буддист?!

– Как же, с тех пор, как с Сухаревки ему Будду этого принесли!

Небольшого роста, плечистый, выбритый и остриженный начисто, в поношенном черном пальто и картузе с лаковым козырьком, солидный и степенный, точь-в-точь камердинер средней руки, двигается незаметно Смолин по Сухаревке. Воры исчезают при его появлении. Если увидят, то знают, что он уже их заметил – и, улуча удобную минуту, подбегают к нему... Рыжий, щеголеватый карманник Пашка Рябчик что-то спроворил в давке и хотел

скрыться, но взгляд сыщика остановился на нем. Сделав круг, Рябчик был уже около и что-то опустил в карман пальто Смолина.

– Щучка здесь... с женой... Проигрался... Зло работает...

– С Аннушкой?

– Да-с... Юрка к Замайскому поступил... Игроки с деньгами! У старьевщиков покупают... Вьюн... Голиаф... Ватошник... Кукиш и сам Цапля. Шуруют вон, гляди...

Быстро выпалил и исчез. Смолин переложил серебряные часы в карман брюк.

Издали углядел в давке высокую женщину в ковровом платке, а рядом с ней козлиную бородку Щучки. Женщина увидала и шепнула бороде. Через минуту Щучка уже терся как незнакомый около Смолина.

– Сегодня до кишок меня раздели... У Васьки Темного... проигрался!

– Ничего, злее воровать будешь!

Щучка опустил ему в карман кошелек.

– Аннушка сработала?

– Она... Сам не знаю, что в нем...

– А у Цапли что?

– Прямо плачу, что не попал, а угодил к Темному! Вот дело было! Сашку Утюга сегодня на шесть тысяч взяли...

– Сашку? Да он сослан в Сибирь!

– Какое! Всю зиму на Хитровке околачивался... болел... Марк Афанасьев подкармливал. А в четверг пофартило, говорят, в Гуслицах с кем-то купца пришел... Как одну копейку шесть больших отдал. Цапля метал... Архивариус метал. Резал Назаров.

– Расплюев!

– Да, вон он с Цаплей у палатки стоит... Андрей Михайлович, первый фарт тебе отдал!... Дай хоть копеечку на счастье...

– На, разживайся! – И отдал обратно кошелек.

– Вот спасибо! Век не забуду... Ведь почин дороже денег... Теперь отыграюсь! Да! Сашку до копы разыграли. Дали ему утром сотенный билет, он прямо на вокзал в Нижний... А Цапля завтра новую мельницу открывает, богатую.

Смолин подходит к Цапле.

– С добычей! Когда на новоселье позовешь?

У Цапли и лицо вытянулось.

– Сашку-то сегодня на шесть больших слопали! Ну, когда новоселье?..

Оторопел окончательно старый Цапля.

– Цапля! Это что ты отобрал? Портреты каких-то вельмож польских... На что они тебе?

– Для дураков, Андрей Михайлович, для дураков... Повешу в гостиной – за моих предков сойдут... Так в четверг, милости просим, там же на Цветном, над моей старой квартирой... сегодня снял в бельэтаже...

– Сашку на Волгу спроводили?

Добывает Цаплю всеведущий сыщик и идет дальше, к ювелирным палаткам, где выигравшие деньги шулера обращают их в золотые вещи, чтоб потом снова проиграться на мельницах...

Поговорит с каждым, удивит каждого своими познаниями, а от них больше выудит...

– Это кто такой франт, что с Абазом стоит?

– Невский гусь... как его...

– Кихибарджи?.. Зачем он здесь?

– За кем-то из купцов охотится... в «Славянском базаре» в сорокарублевом номере остановились. И Караулов с ними...

И по развалу поползет тенью Смолин.

Увидал Комара.

– Ну как твои куклы?

Все Смолин знает – не то, что где было, а что и когда будет и где...

И знает, и будет молчать, пока его самого начальство не прищучит!

* * *

Из властей предержавших почти никто не бывал на Сухаревке, кроме знаменитого московского полицмейстера Н. И. Огарева, голова которого с единственными в Москве усами черными, лежащими на груди, изредка по воскресеньям маячила над толпой около палаток антикваров. В палатках он время от времени покупал какие-нибудь удивительные стенные часы. И всегда платил за них наличные деньги, и никогда торговцы с него, единственного, может быть, не запрашивали лишнего. У него была страсть к стенным часам. Его квартира была полна стенными часами, которые били на разные голоса непрерывно, одни за другими. Еще он покупал карикатуры на полицию всех стран, и одна из его комнат была увешана такими карикатурами. Этим товаром снабжали его букинисты и цензурный комитет, задерживавший такие издания.

Особенно он дорожил следующей карикатурой.

Нарисован забор. Вдали каланча с вывешенными шарами и красным флагом (сбор всех частей). На заборе висят какие-то цветные лохмотья, а обозленная собака стоит на задних лапках, карабкается к лохмотьям и никак не может их достать.

Подпись:

«Далеко Арапке до тряпки» (в то время в Петербурге был обер-полицмейстером Трепов, а в Москве – Арапов).

– Вот идиоты, – говорил Н. И. Огарев.

Ну кто бы догадался! Так бы и прошла насмешка незаметно... Я видел этот номер «Будильника», внимания на него не обратил до тех пор, пока городовые не стали отбирать журнал у газетчиков. Они все и рассказали.

В те времена палаток букинистов было до тридцати. Здесь можно было приобрести все, что хочешь. Если не найдется нужный том какого-нибудь разрозненного сочинения, только закажи, к другому воскресенью достанут. Много даже редчайших книг можно было приобрести только здесь. Библиофилы не пропускали ни одного воскресенья. А как к этому дню готовились букинисты! Шесть дней рыщут – ищут товар по частным домам, усадьбам, чердакам, покупают целые библиотеки у наследников или разорившихся библиофилов, а «стрелки» скупают повсюду книги и перепродают их букинистам, собиравшимся в трактирах на Рождественке, в Большом Кисельном переулке и на Малой Лубянке. Это была книжная биржа, завершавшаяся на Сухаревке, где каждый постоянный покупатель знал каждого букиниста и каждый букинист знал каждого покупателя: что ему надо и как он платит. Особым почетом у букинистов пользовались профессора И. Е. Забелин, Н. С. Тихонравов и Е. В. Барсов.

Любили букинисты и студенческую бедноту, делали для нее всякие любезности. Приходит компания студентов, человек пять, и общими силами покупают одну книгу или издание лекций совсем задешево, и все учатся по одному экземпляру. Или брали напрокат книгу, уплачивая по пятаку в день. Букинисты давали книги без залога, и никогда книги за студентами не пропадали.

Букинисты и антиквары (последних звали «старьевщиками») были аристократической частью Сухаревки. Они занимали место ближе к Спасским казармам. Здесь не было той давки, что на толкучке. Здесь и публика была чище: коллекционеры и собиратели библиотек, главным образом из именитого купечества.

Всем букинистам был известен один собиратель, каждое воскресенье копавшийся в палатках букинистов и в разваленных на рогожах книгах, оставивший после себя ценную библиотеку. И рассчитывался он всегда неуклонно так: сторгует, положим, книгу, за которую просили пять рублей, за два рубля, выжав все из букиниста, и лезет в карман. Вынимает два кошелька, из одного достает рубль, а из другого вываливает всю мелочь и дает один рубль девяносто три копейки.

– Семи копеечек нет... Вот получите.

Знают эту его систему букинисты, знают, что ни за что не добавит, и отдают книгу.

А один букинист раз сказал ему:

– Ну как вам не совестно копеечки-то у нашего брата вымаршировать?

– Ты ничего не понимаешь! А в год-то их сколько накопится?

Знали еще букинисты одного курьезного покупателя. Долгое время ходил на Сухаревку старый лакей с аршином в руках и требовал книги в хороших переплетах и непременно известного размера. За ценой не стоял. Его чудак барин, разбитый параличом и не оставлявший постели, таким образом составлял библиотеку, вид которой утешал его.

На этой «аристократической» части Сухаревки вперемежку с букинистами стояли и палатки антикваров.

Уважаемым покупателем у последних был Петр Иванович Щукин. Сам он редко бывал на Сухаревке. К нему товар носили на дом. Дверь его кабинета при амбаре на Ильинке, запертая для всех, для антикваров всегда была открыта. Вваливаются в амбар барахольщики с огромными мешками, их сейчас же провожают в кабинет без доклада. Через минуту Петр Иванович погружается в тучу пыли, роясь в грудах барахла, вываленного из мешков. Отбирает все лучшее, а остатки появляются на Сухаревке в палатках или на рогожах около них. Сзади этих палаток, к улице, барахольщики второго сорта раскидывали рогожи, на которых был разложен всевозможный чердачный хлам: сломанная медная ручка, кусок подсвечника, обломок старинной канделябры, разрозненная посуда, ножны от кинжала.

И любители роются в товаре и всегда находят что купить. Время от времени около этих рогож появляется владелец колокольного завода, обходит всех и отбирает обломки лучшей бронзы, которые тут же отсылает домой, на свой завод. Сам же направляется в палатки антикваров и тоже отбирает лом серебра и бронзы.

– Что покупаете? – спрашиваю как-то его.

– Серебряный звон!

Для Сухаревки это развлечение.

Колокол льют! Шушукуются по Сухаревке – и тотчас же по всему рынку, а потом и по городу разнесутся нелепые рассказы и вранье. И мало того, что чужие повторяют, а каждый сам старается похлеще соврать, и обязательно действующее лицо, время и место действия точно обозначит.

– Слышали, утром-то сегодня? Под Каменным мостом кит на мель сел... Народищу там!

– В беговой беседке у швейцара жена родила тройню – и все с жеребьячьими головами.

– Сейчас Спасская башня провалилась. Вся! И с часами! Только верхушку видать.

Новичок и в самом деле поверит, а настоящий москвич выслушает и виду не подает, что вранье, не улыбается, а сам еще чище что-нибудь прибавит. Такой обычай:

– Колокол льют!

Сотни лет ходило поверье, что чем больше небылиц разойдется, тем звонче колокол отольется.

А потом встречаются:

– Чего ты назвонил, что башня провалилась? Бегал – на месте стоит, как стояла!

– У Финляндского на заводе большой колокол льют! Ха-ха-ха!

С восьмидесятых годов, когда в Москве начали выходить газеты и запестрели объявлениями колокольных заводов, Сухаревка перестала пускать небылицы, которые в те времена служили рекламой. А колоколозаводчик неукоснительно появлялся на Сухаревке и скупал «серебряный звон». За ним очень ухаживали старьевщики, так как он был не из типов, искавших «на грош пятаков».

Это был покупатель со строго определенной целью – купить «серебряный звон», а не «на грош пятаков». Близок к нему был еще один «чайник», не пропускавший ни одного воскресенья, скупавший, не выжиливая копеечку, и фарфор, и хрусталь, и картины...

Между любителями-коллекционерами были знатоки, особенно по хрустально, серебру и фарфору, но таких было мало, большинство покупателей мечтало купить за «красненькую» настоящего Рафаэля, чтобы потом за тысячи перепродать его, или купить из «первых рук» краденое бриллиантовое кольцо за полсотни... Пускай потом картина Рафаэля окажется доморощенной мазней, а кольцо – бутылочного стекла, покупатель все равно идет опять на Сухаревку в тех же мечтах и до самой смерти будет искать «на грош пятаков». Ни образования, ни знания, ничего, кроме тятенькиных капиталов и природного умения наживать деньги, у него не имеется.

И торгуются такие покупатели из-за копейки до слез, и радуются, что удалось купить статуэтку голой женщины с отбитой рукой и поврежденным носом, и уверяют они знакомых, что даром досталась:

– Племянница Венеры Милосской!

– Что?!

– А рука-то где! А вы говорите!

Еще обидится! И пойдет торговаться с извозчиком из-за гривенника.

Много таких ходило по Сухаревке, но посещали Сухаревку и истинные любители старины, которые оставили богатые коллекции, ставшие потом народным достоянием.

...Но много их и пропало. Все делалось как-то втихомолку, по-сухаревски.

И все эти антиквары и любители были молчаливы, как будто они покупали краденое. Купит, спрячет и молчит. И всё в одиночку, тайно друг от друга.

Но раз был случай, когда они все жадной волчьей стаей или, вернее, стаей пугливого воронья набросились на крупную добычу. Это было в восьмидесятых годах.

Тогда умер знаменитый московский коллекционер М. М. Зайцевский, более сорока лет собиравший редкости изящных искусств, рукописей, пергаментов, первопечатных книг. Полвека его знала вся Сухаревка.

За десятки лет все его огромные средства были потрачены на этот музей, закрытый для публики и составлявший в полном смысле этого слова жизнь для своего старика владельца, забывавшего весь мир ради какой-нибудь «новенькой старинной штучки» и никогда не отступившего, чтобы не приобрести ее.

Он ухаживал со страстью и терпением за какой-нибудь серебряной крышкой от кружки и не успокаивался, пока не приобретал ее. Я знаком был с М. М. Зайцевским, но трудно было его уговорить показать собранные им редкости. Да никому он их и не показывал. Сам, один любовался своими сокровищами, тщательно их охраняя от постороннего глаза.

Прошло сорок лет, а у меня до сих пор еще мелькают перед глазами редкости этих четырех больших комнат его собственного дома по Хлебному переулку. Стены комнат тесно увешаны массой старинных картин. На первом плане картина, изображающая святого Иеронима. Это оригинал замечательного художника. Некоторые знатоки приписывали его кисти Луки Джиордано. Рядом с этой картиной помещались две громадные картины фламандской школы, изображающие пир и торжественный выход какого-то властителя. Далее картина

Лессуера «Христос с детьми», картина Адриана Стаде и множество других картин прошлых веков.

В следующей комнате огромная коллекция редчайших икон, начиная с икон строга-новского письма, кончая иконами, уцелевшими чуть не со времен гонения на христиан. Тут же коллекция крестов. Между ними золотой складень с надписью: «Моление головы московских стрельцов Матвея Тимофеевича Синягина». Третья комната занята портретами на кости и на металле. Портрет Екатерины II, сделанный из немецких букв, которые можно рассмотреть только в лупу. Из букв составлялась вся история царствования. Еще два портрета маслом с графа Орлова-Чесменского. На одном портрете граф изображен на своем Барсе верхом, а на другом – в санях, запряженных Свирепым. Около на столе лежит кованая, вся в бирюзе, сбруя Свирепого. Далее сотни часов, рогов, кружек, блюд, а посреди их статуя Ермака Тимофеевича, грудь которого сделана из огромной цельной жемчужины. Она стоит на редчайшем серебряном блюде XI века.

Перечислить все, что было в этих залах, невозможно. А на дворе, кроме того, большой сарай был завален весь разными редкостями более громоздкими. Тут же вся его библиотека. В отделении первопечатных книг была книга «Учение Фомы Аквинского», напечатанная в 1467 году в Майнце, в типографии Шефера, компаньона изобретателя книгопечатания Гутенберга.

В отделе рукописей были две громадные книги на пергаменте с сотнями рисунков рельефного золота. Это «Декамерон» Боккаччо, писанная по-французски в 1414 году.

После смерти владельца его наследники, не открывая музея для публики, выставили некоторые вещи в залах Исторического музея и снова взяли их, решив продать свой музей, что было необходимо для дележа наследства. Ученые-археологи, профессора, хранители музеев дивились редкостям, высоко ценили их и соболезновали, что казна не может их купить для своих хранилищ.

Три месяца музей стоял открытым для покупателей, но продать, за исключением мелочей, ничего не удалось: частные московские археологи, воспитанные на традициях Сухаревки с девизом «на грош пятаков», ходили стаями и ничего не покупали. Сухаревские старьевщики-барахольщики типа Ужо, коллекционеры, бесящиеся с жиру или собирающие коллекции, чтобы похвастаться перед знакомыми, или скупающие драгоценности для перевода капиталов из одного кармана в другой, или просто желающие помаклячить искатели «на грош пятаков», вели себя возмутительно.

Они с видом знатоков старались «овладеть» своими глазами, разбегающимися, как у вора на ярмарке, при виде сокровищ, поднимали голову и, рассматривая истинно редкие, огромной ценности вещи, говорили небрежно:

– М...н...да... Но это не особенная редкость! Пожалуй, я возьму ее. Пусть дома валяется... Целковых двести дам.

Так ценили финифтьевый ларец, стоивший семь тысяч рублей.

Об этом ларце в воскресенье заговорили молчаливые раритетчики на Сухаревке. Предлагавший двести рублей на другой день подсылал своего подручного купить его за три тысячи рублей. Но наследники не уступили. А Сухаревка, обиженная, что в этом музее даром ничего не укупишь, начала «колокола лить».

Несколько воскресений между антикварами только и слышалось, что лучшие вещи уже распроданы, что наследники нуждаются в деньгах и уступают за бесценок, но это не помогло сухаревцам купить «на грош пятаков».

В один прекрасный день на двери появилась вывеска, гласившая, что Сухаревских маклаков и антикваров из переулков (были названы два переулка) просят «не трудиться звонить».

Дальнейшую судьбу музея и его драгоценностей я не знаю.

Помню еще, что сын владельца музея В. М. Зайцевский, актер и рассказчик, имевший в свое время успех на сцене, кажется, существовал только актерским некрупным заработком, умер в начале этого столетия. Его знали под другой, сценической фамилией, а друзья, которым он в случае нужды помогал щедрой рукой, звали его просто – Вася Днепров.

Что он Зайцевский – об этом и не знали. Он как-то зашел ко мне и принес изданную им книжку стихов и рассказов, которые он исполнял на сцене. Книжка называлась «Пополам». Меня он не застал и через день позвонил по телефону, спросив, получил ли я ее.

– Спасибо, – ответил я, – жаль, что не застал меня. Кстати, скажи, цел ли отцовский музей?

– Эге! Хватился! Только и остался портрет отца, и то я его этой зимой на Сухаревке купил.

* * *

Неизменными посетителями Сухаревки были все содержатели антикварных магазинов. Один из них являлся с рассветом, садился на ящик и смотрел, как расставляют вещи. Сидит, глядит и, чуть усмотрит что-нибудь интересное, сейчас ухватит раньше любителей-коллекционеров, а потом перепродает им же втридорога. Нередко антиквары гнали его:

– Да уходите, не мешайте, дайте разложиться!

– Ужо! Ужо! – отвечает он всегда одним и тем же словом и сидит, как примороженный.

Так и звали его торговцы: «Ужо!»

Любил рано приходить на Сухаревку и Владимир Егорович Шмаровин. Он считался знатоком живописи и поповского⁶ фарфора. Он покупал иногда серебряные чарочки, из которых мы пили на его «средах», покупал старинные дешевые медные, бронзовые серьги. Он прекрасно знал старину, и его обмануть было нельзя, хотя подделок фарфора было много, особенно поповского. Делали это за границей, откуда приезжали агенты и привозили товар.

На Сухаревке была одна палатка, специально получавшая из-за границы поддельного «Попова». Подделки практиковались во всех областях.

Нумизматы неопытные также часто попадались на Сухаревскую удочку. В серебряном ряду у антикваров стояли витрины, полные старинных монет. Кроме того, на застекленных лотках продавали монеты ходячие нумизматы. Спускали по три, по пяти рублей редкостные рубли Алексея Михайловича и огромные четырехугольные фальшивые медные рубли московской и казанской работы.

Поддельных Рафаэлей, Корреджио, Рубенсов – сколько хочешь. Это уж специально для самых неопытных искателей «на грош пятаков». Настоящим знатокам их даже и не показывали, а товар все-таки шел.

Был интересный случай. К палатке одного антиквара подходит дама, долго смотрит картины и останавливается на одной с надписью: «И. Репин»; на ней ярлык: десять рублей.

– Вот вам десять рублей. Я беру картину. Но если она не настоящая, то принесу обратно. Я буду у знакомых, где сегодня Репин обедает, и покажу ему.

Приносит дама к знакомым картину и показывает ее И. Е. Репину. Тот хохочет. Просит перо и чернила и подписывает внизу картины: «Это не Репин. И. Репин».

Картина эта опять попала на Сухаревку и была продана благодаря репинскому автографу за сто рублей.

Старая Сухаревка занимала огромное пространство в пять тысяч квадратных метров. А кругом, кроме Шереметевской больницы, во всех домах были трактиры, пивные, магазины, всякие оптовые торговли и лавки – сапожные и с готовым платьем, куда покупателя затаски-

⁶ Фарфоровый завод Попова.

вали чуть ли не силой. В ближайших переулках – склады мебели, которую по воскресеньям выносили на площадь.

Главной же, народной Сухаревкой, была толкучка и развал.

Какие два образных слова: народ толчется целый день в одном месте, и так попавшего в те места натолкают, что потом всякое место болит! Или развал: развоят нескончаемыми рядами на рогожах немудрый товар и торгуют кто чем: кто рваной обувью, кто старым железом; кто ключи к замкам подбирает и тут же подпиливает, если ключ не подходит. А карманники по всей площади со своими тырщиками снуют: окружают, затырят, вытаскают. Кричи «караул» – никто и не послушает, разве за карман схватится, а он, гляди, уже пустой, и сам поет: «Караул! Ограбили!» И карманники шайками ходят, и кукольники с подкидчиками шайками ходят, и сменщики шайками, и барышники шайками.

На Сухаревке жулью в одиночку делать нечего. А сколько сортов всякого жулья! Взять хоть «играющих»: во всяком удобном уголку садятся прямо на мостовую трое-четверо и открывают игру в три карты – две черные, одна красная. Надо угадать красную. Или игра в ремешок: свертывается кольцом ремешок, и надо гвоздем попасть так, чтобы гвоздь остался в ремешке. Но никогда никто не угадает красной, и никогда гвоздь не остается в ремне. Ловкость рук поразительная.

И десятки шаек игроков шатаются по Сухаревке, и сотни простаков, желающих нажить, продуваются до копейки. На лотке с гречневиками тоже своя игра; ею больше забавляются мальчишки в надежде даром съесть вкусный гречневик с постным маслом. Дальше ходячая лотерея – около нее тоже жулье.

Имеются жулики и покрупнее.

Пришел, положим, мужик свой последний полушубок продавать. Его сразу окружает шайка барышников. Каждый торгуется, каждый дает свою цену. Наконец, сходятся в цене. Покупатель неторопливо лезет в карман, будто за деньгами, и передает купленную вещь соседу. Вдруг сзади мужика шум, и все глядят туда, и он тоже туда оглядывается. А полушубок в единый миг, с рук на руки, и исчезает.

– Что же деньги-то, давай!

– Че-ево?

– Да деньги за шубу!

– За какую? Да я ничего и не видал!

Кругом хохот, шум. Полушубок исчез, и требовать не с кого.

Шайка сменщиков: продадут золотые часы, с пробой, или настоящее кольцо с бриллиантом, а когда придет домой покупатель, поглядит – часы медные и без нутра, и кольцо медное, со стеклом.

Положим, это еще Кречинский делал. Но Сухаревка выше Кречинского. Часы или булавку долго ли подменить! А вот подменить дюжину штанов – это может только Сухаревка. Делалось это так: ходят малые по толкучке, на плечах у них перекинута связка штанов, совершенно новеньких, только что сшитых, аккуратно сложенных.

– Почем штаны?

– По четыре рубля. Нет, ты гляди, товар-то какой... По случаю аглицкий кусок попал. Тридцать шесть пар вышло. Вот и у него, и у него. Сейчас только вынесли.

Покупатель и у другого смотрит.

– По три рубля... пару возьму.

– Эка!

– Ну, красненькую за трое... Берешь?

– По четыре... А вот что, хошь ежели, бери всю дюжину за три красных...

У покупателя глаза разгорелись: кому ни предложи, всякий купит по три, а то и по четыре рубля. А сам у того и другого смотрит и считает, – верно, дюжина. А у третьего тоже кто-то торгует тут рядом.

Сторговались за четвертную. Покупатель отдает деньги, продавец веревочкой связывает штаны... Вдруг покупателя кто-то бьет по шее. Тот оглядывается.

– Извини, обознался, за приятеля принял!

Покупатель получает штаны и уходит. Приносит домой. Оказывается, одна штанина сверху и одна снизу, а между ними – барахло.

Сменили пачку, когда он оглянулся.

Купил «на грош пятаков»!

Около селедочниц, сидящих рядами и торгующих вонючей обжоркой, жулья меньше; тут только снуют, тоже шайками, бездомные ребятишки, мелкие карманники и поездошники, таскающие у проезжих саквояжи из пролетов. Обжорка – их любимое место, их биржа. Тухлая колбаса в жаровнях, рванинка, бульонка, обрезки, ржавые сельди, бабы на горшках с тушеной картошкой... Вдруг ливень. Развал закутывает рогожами товар. Кто может, спасается под башню. Только обжорка недвижима – бабы поднимают сзади подола и окутывают голову... Через несколько минут опять голубое небо, и толпа опять толчется на рынке.

После дождя и в дождь особенно хорошо торгуют обувью.

В одну из палаток удалось затащить чиновника в сильно поношенной шинели. Его долго рвали пополам два торговца – один за правую руку, другой за левую.

За два рубля чиновник покупает подержанные штиблеты, обувается и уходит, лавируя между лужами.

Среди торговцев – спор:

– Не дойдет!

– Дойдет!

– На пару пива?

– На сколько?

– На четверть часа.

– Пошло.

– Нет, бриться идет!

Чиновник уселся на тумбу около башни. Небритый и грязный цирюльник мигнул вихрастому мальчишке, тот схватил немытую банку из-под мази, отбежал, черпнул из лужи воды и подал. Здесь бритье стоило три копейки, а стрижка – пять.

По утрам, когда нет клиентов, мальчишки обучались этому ремеслу на отставных солдатах, которых брили даром. Изрежет неумелый мальчуган несчастного, а тот сидит и терпит, потому что в билете у него написано: «бороду брить, волосы стричь, по миру не ходить». Через неделю опять солдат просит побрить!

– Ну, недорезанный, садись! – приглашает его на тумбу московский Фигаро.

Я любил останавливаться и подолгу смотреть на эту галдящую орду, а иногда и отдаваться воле зазывал.

Идешь по тротуару мимо лавок, а тебя за полы хватают.

– Пожалте-с, у нас покупали!

Тащат и тащат. Хочешь не хочешь, заведут в лавку. А там уже обступят другие приказчики: всякий свое дело делает и свои заученные слова говорит. Срепетовка ролей и исполнение удивительные. Заставят пересмотреть, а то и примерить все: и шубу, и пальто, и поддевку.

– Да ведь мне ничего не надо!

– Теперь не надо. Опосля понадобится. Лишнее знание не повредит. Окромя пользы, от этого ничего. Может, что знакомым понадобится, вот и знаете, где купить, а каков товар – своими глазами убедились.

Шумит зазывала на улице у лавки. Идет строгая дама.

– Сударыня! У нас покупали. Для супруга пальто, для деток поддевки-с...

Дама гордо проходит мимо. Тон зазывалы меняется.

– Сударыня, сударыня! Из брюк чего-нибудь не желаете ли!.. – кричит ей вдогонку при общем хохоте зазывала и ловит новых прохожих.

А какие там типы были! Я знал одного из них. Он брал у хозяина отпуск и уходил на Масленицу и Пасху в балаганы на Девичьем поле в деда-зазывалы. Ему было под сорок, жил он с мальчиков у одного хозяина. Звали его Ефим Макариевич. Не Макарыч, а из почтения – Макариевич.

У лавки солидный и важный, он был в балагане неузнаваем с своей седой подвязанной бородой. Как заорет на все поле:

– Рррра-ррр-ра-а! К началу! У нас Юлия Пастраны⁷ —двоюродная внучка от облизьяны! Дыра на боку, вся в шелку!.. – И пойдет и пойдет...

Толпа уши развесит. От всех балаганов сбегаются люди «Юшку-комедианта» слушать. Таращим и мы на него глаза, стоя в темноте и давке, задрав головы. А он седой бородой трясет да над нами же издевается. Вдруг ткнет в толпу пальцем да как завизжит:

– Чего ты чужой карман шарить?

И все завертят головами, а он уже дальше: ворону увидал – и к ней.

– Дура ты, дура! Куда тебя зря нечистая сила прет... Эх ты, девятиногая буфетчица из помойной ямы!.. Рр-ра-ра! К началу-у, к началу!

Сорвет бороду, махнет ею над головой и исчезнет вниз.

А через минуту опять выскакивает, на ходу бороду нацепляет:

– Эге-ге-гей! Публика почтенная, полупочтенная и которая так себе! Начинайте торопиться, без вас не начнем. Знай наших, не умирай скорча.

Вдруг остановится, сделает серьезную физиономию, прислушивается.

Толпа замрет.

– Ой-ой-ой! Да никак начали! Торопись, ребя!

И балаган всегда полон, где Юшка орет.

Однажды, беседуя с ним за чайком, я удивился тому, как он ловко умеет владеть толпой. Он мне ответил:

– Это что, толпа – баранье стадо. Куда козел, туда и она. Куда хочешь повернешь. А вот на Сухаревке попробуй! Мужiku в одиночку втолкуй, какому-нибудь коблу лесному, а еще труднее – кулугуру степному, да заставь его в лавку зайти, да уговори его ненужное купить. Это, брат, не с толпой под Девичьим, а в сто раз потруднее! А у меня за тридцать лет на Сухаревке никто мимо лавки не прошел. А ты – толпа. Толпу... зимой купаться уговорю!

Сухаревка была особым миром, никогда более не повторяемым. Она вся в этом анекдоте:

Один из посетителей шмаровинских «сред», художник-реставратор, возвращался в одно из воскресений с дачи и прямо с вокзала, по обыкновению, заехал на Сухаревку, где и купил великолепную старую вазу, точь-в-точь под пару имеющейся у него.

Можете себе представить радость настоящего любителя, приобретшего такое ценное сокровище!

⁷ Женщина с бородой, которую в то время показывали в цирках и балаганах.

А дома его встретила прислуга и сообщила, что накануне громилы обокрали его квартиру.

Он купил свою собственную вазу!

Под Китайской стеной

Постройка Китайской стены, отделяющей Китай-город от Белого города, относится к половине XVI века. Мать Иоанна Грозного, Елена Глинская, назвала эту часть города Китай-городом в воспоминание своей родины – Китай-городка на Подолии.

В начале прошлого столетия, в 1806 году, о Китайгородской стене писал П. С. Валуев: «Стены Китая от злоупотребления обращены в постыдное положение. В башнях заведены лавки немаловажных чиновников; к стенам пристроены в иных местах неблаговидные лавочки, в других погреба, сараи, конюшни... Весьма много тому способствуют и фортификационные укрепления земляные, бастион и ров, которых в древности никогда не было. Ими заложены все из города стоки. Нечистоты заражают воздух. Такое злоупотребление началось по перенесении столицы в Петербург... Кругом всей стены Китай-города построены каменные и деревянные лавки».

После этого, как раз перед войной 1812 года, насколько возможно, привели стену в порядок. С наружной стороны уничтожили пристройки, а внутренняя сторона осталась по-старому, и вдобавок на Старой площади, между Ильинскими и Никольскими воротами, открылся Толкучий рынок, который в половине восьмидесятых годов был еще в полном блеске своего безобразия. Его великолепно изобразил В. Е. Маковский на картине, которая находится в Третьяковской галерее. Закрыли толкучку только в восьмидесятых годах, но следы ее остались, – она развела трущобы в самом центре города, которые уничтожила только Советская власть. Это были лавочки, пристроенные к стене вплоть до Варварских ворот, а с наружной – Лубянская площадь с ее трактирами-притонами и знаменитой «Шиповской крепостью».

В екатерининские времена на этом месте стоял дом, в котором помещалась типография Н. И. Новикова, где он печатал свои издания. Дом этот был сломан тогда же, а потом, в первой половине прошлого столетия, был выстроен новый, который принадлежал генералу Шилову, известному богачу, имевшему в столице силу, человеку, весьма оригинальному: он не брал со своих жильцов плату за квартиру, разрешал селиться по сколько угодно человек в квартире, и никакой не только прописки, но и записей жильцов не велось...

Полиция не смела пикнуть перед генералом, и вскоре дом битком набился сбежавшими отовсюду ворами и бродягами, которые в Москве орудовали вовсю и носили плоды ночных трудов своих скупщикам краденого, тоже ютившимся в этом доме. По ночам пройти по Лубянской площади было рискованно.

Обитатели «Шиповской крепости» делились на две категории: в одной – беглые крепостные, мелкие воры, нищие, сбежавшие от родителей и хозяев дети, ученики и скрывшиеся из малолетнего отделения тюремного замка, затем московские мещане и беспаспортные крестьяне из ближних деревень. Все это развеселый пьяный народ, ищущий здесь убежища от полиции.

Категория вторая – люди мрачные, молчаливые. Они ни с кем не сближаются и среди самого широкого разгула, самого сильного опьянения никогда не скажут своего имени, ни одним словом не намекнут ни на что былое. Да никто из окружающих и не смеет к ним подступиться с подобным вопросом. Это опытные разбойники, дезертиры и беглые с каторги. Они узнают друг друга с первого взгляда и молча сближаются, как люди, которых связывает какое-то тайное звено. Люди из первой категории понимают, кто они, но молча, под неодолимым страхом, ни словом, ни взглядом не нарушают их тайны.

Первая категория исчезает днем для своих мелких делишек, а ночью пьянствует и спит.

Вторая категория днем спит, а ночью «работает» по Москве или ее окрестностям, по барским и купеческим усадьбам, по амбарам богатых мужиков, по проезжим дорогам. Их

работа пахнет кровью. В старину их называли «Иванами», а впоследствии – «деловыми ребятами».

И вот, когда полиция после полуночи окружила однажды дом для облавы и заняла входы, в это время возвращавшиеся с ночной добычи «иваны» заметили неладное, собрались в отряды и ждали в засаде. Когда полиция начала врывать в дом, они, вооруженные, бросились сзади на полицию, и началась свалка. Полиция, ворвавшаяся в дом, встретила сопротивление портяночников изнутри и налет «Иванов» снаружи. Она позорно бежала, избитая и израненная, и надолго забыла о новой облаве.

«Иваны», являясь с награбленным имуществом, с огромными узлами, а иногда с возом разного скарба на отбитой у проезжего лошади, дожидались утра и тащили добычу в лавочки Старой и Новой площади, открывавшиеся с рассветом. Ночью к этим лавочкам подойти было нельзя, так как они охранялись огромными цепными собаками. И целые возы пропадали бесследно в этих лавочках, пристроенных к стене, где имелись такие тайники, которых в темных подвалах и отыскать было нельзя.

Лавочки мрачны даже днем, – что в них лежит, разглядеть нельзя. С виду, по наружно выставленному товару, каждая из этих лавочек как бы имеет свою специальную, небогатую торговлю. В одной продавали дешевые меха, в другой – старую, чиненую обувь, в третьей – шерсть и бумагу, в четвертой – лоскут, в пятой – железный и медный лом... Но все это только приличная обстановка для непосвященных, декорация, за которой скрывается самая суть дела. В этих лавочках принималось все, что туда ни привозилось и ни приносилось, – от серебряной ложки до самовара и от фарфоровой чашки до надгробного памятника...

Как-то полиции удалось разыскать здесь даже медную десятипудовую пушку, украденную из Кремля.

Днем лавочки принимали розницу от карманников и мелких воришек – от золотых часов до носового платка или сорванной с головы шапки, а на рассвете оптом, узлами, от «Иванов» – ночную добычу, иногда еще с необсохшей кровью. Получив деньги, «иваны» шли пировать в свои притоны, излюбленные кабаки и трактиры, в «Ад» на Трубу или «Поляков трактир». Мелкие воры и жулики сходились в притоны вечером, а «иваны» – к утру, иногда даже не заходя в лавочки у стены, и прямо в трактирах, в секретных каморках «тырбанили слам» – делили добычу и тут же сбывали ее трактирщику или специальным скупщикам.

В дни существования «Шиповской крепости» главным разбойничьим притоном был близ Яузы «Поляков трактир», наполненный отдельными каморками, где производился дележ награбленного и продажа его скупщикам. Здесь собирались бывшие люди, которые ничего не боялись и ни над чем не задумывались...

В одной из этих каморок четверо грабителей во время дележа крупной добычи задушили своего товарища, чтобы завладеть его долей... Здесь же, на чердаке, были найдены трубочистом две отрубленные ноги в сапогах.

После дележа начиналось пьянство с женщинами или игра. Серьезные «иваны» не увлекались пьянством и женщинами. Их страстью была игра. Тут «фортунка» и «судьба» и, конечно, шулера.

Трактир Полякова продолжал процветать, пока не разогнали Шиповку. Но это сделала не полиция. Дом после смерти слишком человеколюбивого генерала Шилова приобрело императорское человеколюбивое общество и весьма не человеколюбиво принялось оно за старинных вольных квартирантов. Все силы полиции и войска, которые были вызваны в помощь ей, были поставлены для осады неприступной крепости. Старики, помнящие эту ночь, рассказывали так:

– Нахлынули в темную ночь солдаты – тишина и мрак во всем доме. Входят в первую квартиру – темнота, зловоние и беспорядок, на полах рогожи, солома, тряпки, поленья. Во всей квартире оказалось двое: хозяин да его сын-мальчишка.

В другой та же история, в третьей – на столе полштофа вина, куски хлеба и огурцы – и ни одного жильца. А у всех выходов – солдаты, уйти некуда. Перерыли сараи, погреба, чуланы – нашли только несколько человек, молчаливых как пни, и только утром заря и первые лучи солнца открыли тайну, осветив крышу, сплошь усеянную оборванцами, лежащими и сидящими. Их согнали вниз, даже не арестовывали, а просто выгнали из дома, и они бросились толпами на пустыри реки Яузы и на Хитров рынок, где пооткрывался ряд платных ночлежных домов. В них-то и приютились обитатели Шиповки из первой категории, а «иваны» первое время поразбредлись, а потом тоже явились на Хитров и заняли подвалы и тайники дома Ромейко в «Сухом овраге».

Человеколюбивое общество, кое-как подремонтировав дом, пустило в него такую же рвань, только с паспортами, и так же тесно связанную с толкучкой. Заселили дом сплошь портные, сапожники, барышники и торговцы с рук, покупщики краденого.

Целые квартиры заняли портные особой специальности – «раки». Они были в распоряжении хозяев, имевших свидетельство из ремесленной управы. «Раками» их звали потому, что они вечно, «как раки на мели», сидели безвыходно в своих норах, пропившиеся до последней рубашки.

Шипов дом не изменил своего названия и сути. Прежде был он населен грабителями, а теперь заселился законно прописанными «коммерсантами», неусыпно пекущимися об исчезновении всяких улик кражи, грабежа и разбоя, «коммерсантами», сделавшими из этих улик неистощимый источник своих доходов, скупая и перешивая краденое.

Смело можно сказать, что ни один домовладелец не получал столько верных и громадных процентов, какие получали эти съемщики квартир и приемщики краденого.

В этом громадном трехэтажном доме, за исключением нескольких лавок, харчевен, кабака в нижнем этаже и одного притона-трактира, вся остальная площадь состояла из мелких, грязных квартир. Они были битком набиты базарными торговками с их мужьями или просто сожителями.

Квартиры почти все на имя женщин, а мужья состоят при них. Кто портной, кто сапожник, кто слесарь. Каждая квартира была разделена перегородками на углы и койки... В такой квартире в трех-четырех разгороженных комнатках жило человек тридцать, вместе с детьми...

Летом с пяти, а зимой с семи часов вся квартира на ногах. Закусив наскоро, хозяйки и жильцы, перекидывая на руку вороха разного барахла и сунув за пазуху туго набитый кошелек, грязные и оборванные, бегут на толкучку, на промысел. Это съемщики квартир, которые сами работают с утра до ночи. И жильцы у них такие же. Даже детишки вместе со старшими бегут на улицу и торгуют спичками и папиросами без бандеролей, тут же сфабрированными черт знает из какого табака.

Раз в неделю хозяйки кое-как моют и убирают свою квартиру или делают вид, что убирают, – квартиры загрязнены до невозможности, и их не отмоешь. Но есть хозяйки, которые никогда или, за редким исключением, не больше двух раз в году убирают свои квартиры, населенные ворами, пьяницами и проститутками.

Эти съемщицы тоже торгуют хламом, но они выходят позже на толкучку, так как к вечеру обязательно напиваются пьяные со своими сожителями...

Первая категория торговки являлась со своими мужьями и квартирантами на толкучку чуть свет и сразу успевала запастись свежим товаром, скупаемым с рук, и надуть покупателей своим товаром. Они окружали покупателя, и всякий совал, что у него есть: и пиджак, и брюки, и фуражку, и белье.

Все это рваное, линючее, ползет чуть не при первом прикосновении. Калоши или сапоги окажутся подклеенными и замазанными, черное пальто окажется серо-буромалиновым, на фуражке после первого дождя выступит красный околыш, у сюртука одна пола ока-

жется синей, другая – желтой, а полспины – зеленой. Белье расползается при первой стирке. Это все «произведения» первой категории шиповских ремесленников, «выдержавших экзамен» в ремесленной управе.

Чуть свет являлись на толкучку торговки, барахольщики первой категории и скупщики из «Шилова дома», а из желающих продать – столичная беднота: лишившиеся места чиновники приносили последнюю шинелишку с собачьим воротником, бедный студент продавал сюртук, чтобы заплатить за угол, из которого его гонят на улицу, голодная мать, продающая одеяльце и подушку своего ребенка, и жена обанкротившегося купца, когда-то богатая, боязливо предлагала самовар, чтобы купить еду сидящему в долговом отделении мужу.

Вот эти-то продавцы от горькой нужды – самые выгодные для базарных коршунов. Они стайей окружали жертву, осыпали ее насмешками, пугали злыми намеками и угрозами и окончательно сбивали с толку.

– Почему?

– Четыре рубля, – отвечает сконфуженный студент, никогда еще не выдавший толкучки.

– Га! Четыре! А рублевку хошь?

Его окружали, щупали сукно, смеялись и стояли все на рубле, и каждый бросал свое едкое слово:

– Хапаний!.. Покупать не стоит. Еще попадешься!

Студент весь красный... Слезы на глазах. А те рвут... рвут...

Плачет голодная мать.

– Может, нечистая еще какая!

И торговка, вся обвешанная только что купленным грязным тряпьем, с презрением отталкивает одеяло и подушку, а сама так и зарится на них, предлагая пятую часть назначенной цены.

– Должно быть, краденый, – замечает старик барышник, напрасно предлагавший купчихе три рубля за самовар, стоящий пятнадцать, а другой маклак ехидно добавлял, видя, что бедняга обомлела от ужаса:

– За будочником бы спсылать...

Эти приемы всегда имели успех: и сконфуженный студент, и горемыка-мать, и купчиха уступали свои вещи за пятую часть стоимости, только выдавший виды чиновник равнодушно твердит свое да еще заступает за других, которых маклаки собираются обжулить. В конце концов, он продает свой собачий воротник за подходящую цену, которую ему дают маклаки, чтобы только он «не отсвечивал».

Это картина самого раннего утра, когда вторая категория еще опохмеляется. Но вот выползает и она. Площадь меняет свое население, часы обирательства бедноты сменяются часами эксплуатации пороков и слабостей человеческих. На толкучке толчется масса пьяниц, притащивших и свое и чужое добро, чтобы только добыть на опохмелку. Это типы, подходящие к маклакам второй категории, и на них другой способ охоты приноровлен, потому что эти продавцы – народ не совестливый и не трусливый, их и не запугаешь и не заговоришь. На одно слово десять в ответ, да еще родителей до прабабушки помянут. Сомнительного продавца окружают маклаки. Начинают рассматривать вещь, перевортыть на все стороны, смотреть на свет и приступают к торгу, предлагая свою цену:

– Два рубля? Полтора! Гляди сам, больше не стоит!

– Сказал два, меньше ни копыя!

– Ну без четверти бери, леший ты упрямый!

– Два! – безапелляционно отрезает тот.

– Ну, держи деньги, что с тобой делать! – как бы нехотя говорит торговка, торопливо сует продавцу горсть мелочи и вырывает у него купленную вещь.

Тот начинает считать деньги, и вместо двух у него оказывается полтора.

– Давай полтину! Ведь я за два продавал.

Торговка стоит перед ним невозмутимо.

– Отдай мою вещь назад!

– Да бери, голубок, бери, мы ведь силой не отнимаем, – говорит торговка и вдруг с криком ужаса: – Да куды ж это делось-то? Ах, батюшки-светы, ограбили, среди белого дня ограбили!

И с этими словами исчезает в толпе.

Жаждающие опохмелиться отдают вещь за то, что сразу дадут, чтобы только скорее вина добыть – нутро горит.

Начиная с полдня являются открыто уже не продающие ничего, а под видом покупки проходят в лавочки, прилепленные в Китайской стене на Старой площади, где, за исключением двух-трех лавочек, все занимаются скупкой краденого.

На углу Новой площади и Варварских ворот была лавочка рогожского старообрядца С. Т. Большакова, который торговал старопечатными книгами и дониконовскими иконами. Его часто посещали ученые и писатели. Бывали профессора университета и академики. Рядом с ним еще были две такие же старокнижные лавки, а дальше уж, до закрытия толкучки, в любую можно сунуться с темным товаром.

Толкучка занимала всю Старую площадь – между Ильинкой и Никольской, и отчасти Новую – между Ильинкой и Варваркой. По одну сторону – Китайская стена, по другую – ряд высоких домов, занятых торговыми помещениями. В верхних этажах – конторы и склады, а в нижних – лавки с готовым платьем и обувью.

Все это товар дешевый, главным образом русский: шубы, поддевки, шаровары или пальто и пиджачные и сюртучные пары, сшитые мешковато для простого люда. Было, впрочем, и «модье» с претензией на шик, сшитое теми же портными.

Лавки готового платья. И здесь, так же как на Сухаревке, насильно затаскивали покупателя. Около входа всегда галдеж от десятка «зазывал», обязанностью которых было хватать за полы проходящих по тротуарам и тащить их непременно в магазин, не обращая внимания, нужно или не нужно ему готовое платье.

– Да мне не надо платья! – отбивается от двух молодцов в поддевках, ухвативших его за руки, какой-нибудь купец или даже чиновник.

– Помилте, вышздоровье, – или, если чиновник, – васкобродие, да вы только поглядите товар.

И каждый не отстает от него, тянет в свою сторону, к своей лавке.

А если удастся затащить в лавку, так несчастного заговорят, замучат примеркой и уговорят купить, если не для себя, то для супруги, для деток или для кучера... Великие мастера были «зазывалы»!

– У меня только в лавку зайди, не надо, да купит! Уговорю!.. – скажет хороший «зазывала». И действительно уговорит.

Такие же «зазывалы» были и у лавок с готовой обувью на Старой площади, и в закоулках Ямского приказа на Москворецкой улице.

И там и тут торговали специально грубой привозной обувью – сапогами и башмаками, главным образом кимрского производства. В семидесятых годах еще практиковались бумажные подметки, несмотря на то, что кожа сравнительно была недорога, но уж таковы были девизы и у купца и у мастера: «на грош пятаков» и «не обманешь – не продашь».

Конечно, от этого страдал больше всего небогатый люд, а надуть покупателя благодаря «зазывалам» было легко. На последние деньги купит он сапоги, наденет, пройдет две-три улицы по лужам в дождливую погоду – глядь, подошва отстала и вместо кожи бумага из сапога торчит. Он обратно в лавку... «Зазывалы» уж узнали зачем и на его жалобы закидают

словами и его же выставят мошенником: пришел, мол, халтуру сорвать, купил на базаре сапоги, а лезешь к нам...

— Ну, ну, в какой лавке купил?

Стоит несчастный покупатель, растерявшись, глядит — лавок много, у всех вывески и выходы похожи и у каждой толпа «зазывал»...

Заплачет и уйдет под улюлюканье и насмешки...

Был в шестидесятых годах в Москве полицмейстер Лужин, страстный охотник, державший под Москвой свою псарню. Его доезжачему всучили на Старой площади сапоги с бумажными подошвами, и тот пожаловался на это своему барину, рассказав, как и откуда получается купцами товар. Лужин послал его узнать подробности этой торговли. Вскоре охотник пришел и доложил, что сегодня рано на Старую площадь к самому крупному оптовику-торговцу привезли несколько возов обуви из Кимр.

Лужин, захватив с собой наряд полиции, помчался на Старую площадь и неожиданно окружил склады обуви, указанные ему. Местному приставу он ничего не сказал, чтобы тот не предупредил купца. Лужин поспел в то самое время, когда с возов сваливали обувь в склады. Арестованы были все: и владельцы складов, и их доверенные, и приехавшие из Кимр с возами скупщики, и продавцы обуви. Опечатав товар и склады, Лужин отправил арестованных в городскую полицейскую часть, где мушкетеры выпороли и хозяев склада, и кимрских торговцев, привезших товар.

Купцы под розгами клялись, что никогда таким товаром торговать не будут, а кимряки после жестокой порки дали зарок, что не только они сами, а своим детям, внукам и правнукам закажут под страхом отцовского проклятия ставить бумажные подошвы.

И действительно, кимряки стали работать по чести, о бумажных подметках вплоть до турецкой войны 1877–1878 годов не слышно было.

Но во время турецкой войны дети и внуки кимряков были «вовлечены в невыгодную сделку», как они объясняли на суде, поставщиками на армию, которые дали огромные заказы на изготовление сапог с бумажными подметками. И лазили по снегам балканским и кавказским солдаты в разорванных сапогах, и гибли от простуды... И опять с тех пор пошли бумажные подметки... на Сухаревке, на Смоленском рынке и по мелким магазинам с девизом «на грош пятаков» и «не обманешь — не продашь».

Только с уничтожением толкучки в конце восьмидесятых годов очистилась Старая площадь, и «Шипов дом» принял сравнительно приличный вид.

Отдел благоустройства МКХ в 1926 году привел Китайгородскую стену — этот памятник старой Москвы — в тот вид, в каком она была пятьсот лет назад, служа защитой от набегов врага, а не тем, что застали позднейшие поколения.

Вспоминается бессмертный Гоголь:

«Возле того забора навалено на сорок телег всякого мусора. Что за скверный город. Только поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает, откуда и нанесут всякой дряни...»

Такова была до своего сноса в 1934 году Китайгородская стена, еще так недавно находившаяся в самом неприглядном виде. Во многих местах стена была совершенно разрушена, в других чуть не на два метра вросла в землю, башни изуродованы поселившимися в них людьми, которые на стенах развели полное хозяйство: дачи не надо!

...Возле древней башни

На стенах старинных были чуть не пашни.

Из расщелин стен выросли деревья, которые были видны с Лубянской, Варварской, Старой и Новой площадей.

Тайны Неглинки

Трубную площадь и Неглинный проезд почти до самого Кузнецкого моста тогда заливало при каждом ливне, и заливало так, что вода водопадом хлестала в двери магазинов и в нижние этажи домов этого района. Происходило это оттого, что никогда не чищенная подземная клоака Неглинки, проведенная от Самотеки под Цветным бульваром, Неглинным проездом, Театральной площадью и под Александровским садом вплоть до Москвы-реки, не вмещала воды, переполнявшей ее в дождливую погоду. Это было положительно бедствием, но «отцы города» не обращали на это никакого внимания.

В древние времена здесь протекала речка Неглинка. Еще в екатерининские времена она была заключена в подземную трубу: набили свай в русло речки, перекрыли каменным сводом, положили деревянный пол, устроили стоки уличных вод через спускные колодцы и сделали подземную клоаку под улицами. Кроме «законных» сточных труб, проведенных с улиц для дождевых и хозяйственных вод, большинство богатых домовладельцев провело в Неглинку тайные подземные стоки для спуска нечистот, вместо того чтобы вывозить их в бочки, как это было повсеместно в Москве до устройства канализации. И все эти нечистоты шли в Москву-реку.

Это знала полиция, обо всем этом знали гласные-домовладельцы, и все, должно быть, думали: не нами заведено, не нами и кончится!

Побывав уже под Москвой в шахтах артезианского колодца и прочитав описание подземных клоак Парижа в романе Виктора Гюго «Отверженные», я решил во что бы то ни стало обследовать Неглинку. Это было продолжение моей постоянной работы по изучению московских трущоб, с которыми Неглинка имела связь, как мне пришлось узнать в притонах Грачевки и Цветного бульвара.

Мне не трудно было найти двух смельчаков, решившихся на это путешествие. Один из них – беспаспортный водопроводчик Федя, пробавлявшийся поденной работой, а другой – бывший дворник, солидный и обстоятельный. На его обязанности было опустить лестницу, спустить нас в клоаку между Самотекой и Трубной площадью и затем встретить нас у соседнего пролета и опустить лестницу для нашего выхода. Обязанность Феди – сопровождать мне в подземелье и светить.

И вот в жаркий июльский день мы подняли против дома Малюшина, близ Самотеки, железную решетку спускного колодца, опустили туда лестницу. Никто не обратил внимания на нашу операцию – сделано было все очень скоро: подняли решетку, опустили лестницу. Из отверстия валил зловонный пар. Федя-водопроводчик полез первый; отверстие, сырое и грязное, было узко, лестница стояла отвесно, спина шаркала о стену. Послышалось хлопанье воды и голос, как из sklepa:

– Лезь, что ли!

Я подтянул выше мои охотничьи сапоги, застегнул на все пуговицы кожаный пиджак и стал спускаться. Локти и плечи задевали за стенки трубы. Руками приходилось крепко держаться за грязные ступени отвесно стоявшей, качающейся лестницы, поддерживаемой, впрочем, рабочим, оставшимся наверху. С каждым шагом вниз зловоние становилось все сильнее и сильнее. Становилось жутко. Наконец послышались шум воды и хлопанье. Я посмотрел наверх. Мне видны были только четырехугольник голубого, яркого неба и лицо рабочего, державшего лестницу. Холодная, до костей пронизывающая сырость охватила меня.

Наконец я спустился на последнюю ступеньку и, осторожно опуская ногу, почувствовал, как о носок сапога зашуршала струя воды.

– Опускайся смелей; становись, неглубоко тутотка, – глухо, гробовым голосом сказал мне Федя.

Я встал на дно, и холодная сырость воды проникла сквозь мои охотничьи сапоги.

– Лампочку зажечь не могу, спички подмокли! – жалуется мой спутник.

У меня спичек не оказалось. Федя полез обратно.

Я остался один в этом замурованном склепе и прошел по колено в бурлящей воде шагов десять. Остановился. Кругом меня был мрак. Мрак непроницаемый, полнейшее отсутствие света. Я повертывал голову во все стороны, но глаз мой ничего не различал.

Я задел обо что-то головой, поднял руку и нащупал мокрый, холодный, бородавчатый, покрытый слизью каменный свод и нервно отдернул руку... Даже страшно стало. Тихо было, только внизу журчала вода. Каждая секунда ожидания рабочего с огнем мне казалась вечностью. Я еще подвинулся вперед и услышал шум, похожий на гул водопада. Действительно, как раз рядом со мной гудел водопад, рассыпавшийся миллионами грязных брызг, едва освещенных бледно-желтоватым светом из отверстия уличной трубы. Это оказался сток нечистот из бокового отверстия в стене. За шумом я не слышал, как подошел ко мне Федя и толкнул меня в спину. Я обернулся. В руках его была лампочка в пять рожков, но эти яркие во всяком другом месте огоньки здесь казались красными звездочками без лучей, ничего почти не освещавшими, не могшими побороть и фута этого мрака. Мы пошли вперед по глубокой воде, обходя по временам водопады стоков с улиц, гудевшие под ногами. Вдруг страшный грохот, будто от рушащихся зданий, заставил меня вздрогнуть. Это над нами проехала телега. Я вспомнил подобный грохот при моем путешествии в тоннель артезианского колодца, но здесь он был несравненно сильнее. Все чаще и чаще над моей головой гремели экипажи. С помощью лампочки я осмотрел стены подземелья, сырые, покрытые густой слизью. Мы долго шли, местами погружаясь в глубокую тину или невылазную, зловонную жидкую грязь, местами наклоняясь, так как заносы грязи были настолько высоки, что невозможно было идти прямо, – приходилось нагибаться, и все же при этом я доставал головой и плечами свод. Ноги проваливались в грязь, натываясь иногда на что-то плотное. Все это заплывало жидкой грязью, рассмотреть нельзя было, да и до того ли было.

Дошагали в этой вонии до первого колодца и наткнулись на спущенную лестницу. Я поднял голову, обрадовался голубому небу.

– Ну, целы? Вылазь! – загудел сверху голос.

– Мы пройдем еще, спускай через пролет.

– Ну-к что ж, уж глядеть так глядеть!

Я дал распоряжение перенести лестницу на два пролета вперед; она поползла вверх. Я полюбовался голубым небом, и через минуту, утопая выше колен в грязи и каких-то обломках и переползая уличные отбросы, мы зашагали дальше.

Опять над нами четырехугольник ясного неба. Через несколько минут мы наткнулись на возвышение под ногами. Здесь была куча грязи особенно густой, и, видимо, под грязью было что-то навалено... Полезли через кучу, осветив ее лампочкой. Я ковырнул ногой, и под моим сапогом что-то запружинило... Перешагнули кучу и пошли дальше. В одном из таких заносов мне удалось рассмотреть до половины занесенный илом труп громадного дога. Особенно трудно было перебраться через последний занос перед выходом к Трубной площади, где ожидала нас лестница. Здесь грязь была особенно густа, и что-то все время скользило под ногами. Об этом боязно было думать.

А Федю все-таки прорвало:

– Верно говорю: по людям ходим.

Я промолчал. Смотрел вверх, где сквозь железную решетку сияло голубое небо. Еще пролет, и нас ждут уже открытая решетка и лестница, ведущая на волю.

* * *

Мои статьи о подземной клоаке под Москвой наделали шуму. Дума постановила начать перестройку Неглинки, и дело это было поручено моему знакомому инженеру Н. М. Левачеву, известному охотнику, с которым мы ездили не раз на зимние волчьи охоты.

С ним, уже во время работ, я спускался второй раз в Неглинку около Малого театра, где канал делает поворот и где русло было так забито разной нечистью, что вода едва проходила сверху узкой струйкой: здесь и была главная причина наводнений.

Наконец в 1886 году Неглинка была перестроена.

Репортерская заметка сделала свое дело. А моего отчаянного спутника Федю Левачев взял в рабочие, как-то устроил ему паспорт и сделал потом своим десятником.

* * *

За десятки лет после левачевской перестройки снова грязь и густые нечистоты образовали пробку в повороте канала под Китайским проездом, около Малого театра. Во время войны наводнение было так сильно, что залило нижние жилые этажи домов и торговые заведения, но никаких мер сонная хозяйка столицы – городская дума не принимала.

Только в 1926 году взялся за Неглинку Моссовет и, открыв ее от Малого театра, под который тогда подводился фундамент, до половины Свердловской площади, вновь очистил загрязненное русло и прекратил наводнения.

Я как-то шел по Неглинной и против Государственного банка увидел посреди улицы деревянный барак, обнесенный забором, вошел в него, встретил инженера, производившего работы, – оказалось, что он меня знал и на мою просьбу осмотреть работы изъявил согласие. Посредине барака зияло узкое отверстие, из которого торчал конец лестницы.

Я попробовал спуститься, но шуба мешала, – а упускать случай дать интересную заметку в «Вечернюю Москву», в которой я тогда работал, не хотелось. Я сбросил шубу и в одном пиджаке спустился вниз.

Знакомый подземный коридор, освещенный тусклившимися сквозь туман электрическими лампочками. По всему желобу был настлан деревянный помост, во время оттепели все-таки заливавшийся местами водой. Работы уже почти кончились, весь ил был убран, и подземная клоака была приведена в полный порядок.

Я прошел к Малому театру и, продрогший, промочив ноги и нанюхавшись запаха клоаки, вылез по мокрой лестнице. Надел шубу, которая меня не могла согреть, и направился в редакцию, где сделал описание работ и припомнил мое старое путешествие в клоаку.

На другой день я читал мою статью уже лежа в постели при высокой температуре, от гриппа я в конце концов совершенно оглох на левое ухо, а потом и правое оказалось поврежденным.

Это было эпилогом к моему подземному путешествию в бездны Неглинки сорок лет назад.

Ночь на Цветном бульваре

Дырка в кармане! Что может быть ничтожнее этого?

А случилось так, что именно эта самая маленькая, не замеченная вовремя дырка оказалась причиной многих моих приключений.

Был август 1883 года, когда я вернулся после пятимесячного отсутствия в Москву и отдался литературной работе: писал стихи и мелочи в «Будильнике», «Развлечении», «Осколках», статьи по различным вопросам, давал отчеты о скачках и бегах в московские газеты. Между ипподромными знакомыми всех рангов и положений пришлось познакомиться с людьми самых темных профессий, но всегда щегольски одетых, крупных игроков в тотализатор. Я усиленно поддерживал подобные знакомства: благодаря им я получал интересные сведения для газет и проникал иногда в тайные игорные дома, где меня не стеснялись и где я встречал таких людей, которые были приняты в обществе, состояли даже членами клубов, а на самом деле были или шулера, или аферисты, а то и атаманы шаек. Об этом мире можно написать целую книгу. Но я ограничусь только воспоминаниями об одном завсегда-тае бегов, щеголе-блондине с пушистыми усами, имевшем даже собственного рысака, brave-шего призы.

В тот день, когда произошла история с дыркой, он подошел ко мне на ипподроме за советом: записывать ли ему свою лошадь на следующий приз, имеет ли она шансы? На подъезде, после окончания бегов, мы случайно еще раз встретились, и он предложил по случаю дождя довезти меня в своем экипаже до дому. Я отказывался, говоря, что еду на Самотеку, а это ему не по пути, но он уговорил меня и, отпустив кучера, лихо домчал в своем шарабане до Самотеки, где я зашел к моему старому другу художнику Павлику Яковлеву.

Дорогой все время разговаривали о лошадях, — он считал меня большим знатоком и уважал за это.

От Яковлева я вышел около часа ночи и зашлепал в своих высоких сапогах по грязи средней аллеи Цветного бульвара, по привычке сжимая в правом кармане неразлучный кастет — подарок Андреева-Бурлака. Впрочем, эта предосторожность была излишней: ни одной живой души, когда

Осенний мелкий дождичек
Сеет, сеет сквозь туман.

Ночь была непроглядная. Нигде ни одного фонаря, так как по думскому календарю в те ночи, когда должна светить луна, уличного освещения не полагалось, а эта ночь по календарю считалась лунной. А тут еще вдобавок туман. Он клубился над кустами, висел на деревьях, казавшихся от этого серыми призраками.

В такую только ночь и можно идти спокойно по этому бульвару, не рискуя быть ограбленным, а то и убитым ночными завсегдатаями, выходящими из своих трущоб в грачевских переулках и Арбузовской крепости, этого громадного бывшего барского дома, расположенного на бульваре.

Самым страшным был выходящий с Грачевки на Цветной бульвар Малый Колосов переулок, сплошь занятый полтинными, последнего разбора публичными домами. Подъезды этих заведений, выходящие на улицу, освещались обязательным красным фонарем, а в глухих дворах ютились самые грязные тайные притоны проституции, где никаких фонарей не полагалось и где окна завешивались изнутри.

Характерно, что на всех таких дворах не держали собак... Здесь жили женщины, совершенно потерявшие образ человеческий, и их «коты», скрывавшиеся от полиции, такие, кото-

рым даже рискованно было входить в ночлежные дома Хитровки. По ночам «коты» выходили на Цветной бульвар и на Самотеку, где их «марухи» замарьяживали пьяных. Они или приводили их в свои притоны, или их тут же раздевали следовавшие по пятам своих «дам» «коты». Из последних притонов вербовались «составителями» громилы для совершения преступлений, и сюда никогда не заглядывала полиция, а если по требованию высшего начальства, главным образом прокуратуры, и делались обходы, то «хозяйки» заблаговременно знали об этом, и при «внезапных» обходах никогда не находили того, кого искали...

Хозяйки этих квартир, бывшие проститутки большей частью, являлись фиктивными содержательницами, а фактическими были их любовники из беглых преступников, разыскиваемых полицией, или разные не попавшиеся еще аферисты и воры.

У некоторых шулеров и составителей игры имелись при таких заведениях сокровенные комнаты, «мельницы», тоже самого последнего разбора, предназначенные специально для обыгрывания громил и разбойников, которые только в такие трущобы являлись для удовлетворения своего азарта совершенно спокойно, зная, что здесь не будет никого чужого. Пронюхают агенты шулера – составителя игры, что у какого-нибудь громилы после удачной работы появились деньги, сейчас же устраивается за ним охота. В известный день его приглашают на «мельницу» поиграть в банк – другой игры на «мельницах» не было, – а к известному часу там уж собралась стройно спевшаяся компания шулеров, приглашается и исполнитель, банкомет, умеющий бить наверняка каждую нужную карту, – и деньги азартного вора переходят компании. Специально для этого и держится такая «мельница», а кроме того, в ней в дни, не занятые «деловыми», играет всякая шпана мелкотравчатая и дает верный доход – с банка берут десять процентов. На большие «мельницы», содержимые в шикарных квартирах, «деловые ребята» из осторожности не ходили – таких «мельниц» в то время в Москве был десяток на главных улицах.

* * *

Временем наибольшего расцвета такого рода заведений были восьмидесятые годы. Тогда содержательницы притонов считались самыми благонамеренными в политическом отношении и пользовались особым попустительством полиции, щедро ими оплачиваемой, а охранное отделение не считало их «опасными для государственного строя» и даже покровительствовало им вплоть до того, что содержатели притонов и «мельниц» попадали в охрану при царских проездах. Тогда полиция была занята только вылавливанием «неблагонадежных», революционно настроенных элементов, которых арестовывали и ссылали сотнями.

И блаженствовал трущобный мир на Грачевке и Цветном бульваре...

Я шагал в полной тишине среди туманных призраков и вдруг почувствовал какую-то странную боль в левой ноге около щиколотки; боль эта стала в конце концов настолько сильной, что заставила меня остановиться. Я оглядывался, куда бы присесть, чтоб переобуться, но скамейки нигде не было видно, а нога болела нестерпимо.

Тогда я прислонился к дереву, стянул сапог и тотчас открыл причину боли: оказалось, что мой маленький перочинный ножик провалился из кармана и сполз в сапог. Сунув ножик в карман, я стал надевать сапог и тут услышал хлюпанье по лужам и тихий разговор. Я притих за деревом. Со стороны Безымянки темнеет на фоне радужного круга от красного фонаря тихо движущаяся группа из трех обнявшихся человек.

– Заморился, отдохнем... Ни живой собаки нет...

– Эх, нюня дохлая! Ну, опускай...

Крайние в группе наклонились, бережно опуская на землю среднего.

«Пьяного ведут», – подумал я.

Успеваю рассмотреть огромную фигуру человека в поддевке, а рядом какого-то куцего, горбатого. Он качал рукой и отдувался.

– Какой здоровущий был, все руки оттянул!

А здоровущий лежал плашмя в луже.

– Фокач, бросим его тут... а то в кусты рядом...

– Это у будки-то, дуроплясина! Побегут завтра легаша по всем «хазам»...

– В трубу-то вернее, и концы в воду!

– Делать, так делать вглухую. Ну, берись! Теперь на руках можно.

Большой взял за голову, маленький – за ноги, и понесли, как бревно.

Я – за ними, по траве, чтобы не слышно. Дождик переставал. Журчала вода, стекая по канавке вдоль тротуара, и с шумом падала в приемный колодец подземной Неглинки сквозь железную решетку. Вот у нее-то «труженики» остановились и бросили тело на камни.

– Поднимай решетку!

Маленький наклонился, а потом выпрямился:

– Чижало, не могу!

– Эх, рвань дохлая!

Гигант рванул и сдвинул решетку.

«Эге, – сообразил я, – вот что значит: “концы в воду”».

Я зашевелился в кустах, затопал и гаркнул на весь бульвар:

– Сюда, ребята! Держи их!

И, вынув из кармана полицейский свисток, который на всякий случай всегда носил с собой, шляясь по трущобам, дал три резких, продолжительных свистка.

Оба разбойника метнулись сначала вдоль тротуара, а потом пересекли улицу и скрылись в кустах на пустыре.

Я подбежал к лежавшему, нащупал лицо. Борода и усы бритые... Большой стройный человек. Ботинки, брюки, жилет, а белое пятно оказалось крахмальной рубахой. Я взял его руку – он шевельнул пальцами. Жив!

Я еще тройной свисток – и мне сразу откликнулись с двух разных сторон. Послышались торопливые шаги: бежал дворник из соседнего дома, а со стороны бульвара – городской, должно быть, из будки... Я спрятался в кусты, чтобы удостовериться, увидят ли человека у решетки. Дворник бежал вдоль тротуара и прямо наткнулся на него и засвистал. Подбежал городской... Оба наклонились к лежавшему. Я хотел выйти к ним, но опять почувствовал боль в ноге: опять провалился ножик в дырку!

И это решило дальнейшее: зря рисковать нечего, завтра узнаю.

Я знал, что эта сторона бульвара принадлежит первому участку Сретенской части, а противоположная с Безымянкой, откуда тащили тело, – второму.

На Трубной площади я взял извозчика и поехал домой.

К десяти часам утра я был уже под сретенской каланчой, в кабинете пристава Ларе-планда. Я с ним был хорошо знаком и не раз получал от него сведения для газет. У него была одна слабость. Бывший кантонист, десятки лет прослужил в московской полиции, дошел из городских до участкового, получил чин коллежского асессора и был счастлив, когда его называли капитаном, хотя носил погоны гражданского ведомства.

– Капитан, я сейчас получил сведения, что сегодня ночью нашли убитого на Цветном бульваре.

– Во-первых, никакого убитого не было, а подняли пьяного, которого ограбили на Грачевке, перетащили его в мой участок и подкинули. Это уж у воров так заведено, – чтобы хлопот меньше и им и нам. Кому надо в чужом участке доискиваться! А доказать, что перетащили, нельзя. Это первое. А второе: покорнейшая к вам просьба об этом ни слова в газете не писать. Я даже протокола не составлял и дело прикончил сам. Откуда только вы узнали

– диву даюсь! Этого никто, кроме поднявших городских да потерпевшего, не знает... А он-то и просил прекратить дело. Нет, уж вы, пожалуйста, не пишите, а то меня подведете, – я и обер-полицмейстеру не доносил.

И рассказал мне Лареplанд, что ночью привезли бесчувственного пьяного, чуть не догола раздетого человека, которого подняли на мостовой, в луже.

– Сперва думали – мертвый, положили в часовню, где два тела опившихся лежали, а он зашевелился и заговорил. Сейчас – в приемный покой, отходили, а утром я с ним разговаривал. Оказался богатый немец, в конторе Вогау его брат служит. Сейчас же его вызвали, он приехал в карете и увез брата. Немец загулял, попал в притон, девки затащили, а там опоили его «малинкой», обобрали и выбросили на мой участок. Это у нас то и дело бывает... То из того ко мне подарок, то наши ребята во второй подкинут... Там капитан Капени (тоже кантонист) мой приятель, ну и прекращаем дело. Да и пользы никому нет – все по-старому будет, одни хлопоты. Хорошо, что еще жив остался – вовремя признак жизни подал!

Молодой, красивый немец... Попал в притон в нетрезвом виде, заставили его пиво пить вместе с девками. Помнит только, что все пили из стаканов, а ему поднесли в граненой кружке с металлической крышкой, а на крышке птица, – ее только он и запомнил...

Я пообещал ничего не писать об этом происшествии и, конечно, ничего не рассказал приставу о том, что видел ночью, но тогда же решил заняться исследованием Грачевки, так похожей на Хитровку, Арженовку, Хапиловку и другие трущобы, которые я не раз посещал.

Кружка с орлом

В свободный вечер попал на Грачевку.

Послушав венгерский хор в трактире «Крым» на Трубной площади, где встретил шулеров – постоянных посетителей скачек – и кой-кого из знакомых купцов, я пошел по грачевским притонам, не официальным, с красными фонарями, а по тем, которые ютятся в подвалах на темных, грязных дворах и в промозглых «фатерах» «Колосовки», или «Безымянки», как ее еще иногда называли.

К полуночи этот переулочек, самый воздух которого был специфически зловонен, гудел своим обычным шумом, в котором прорывались звуки то разбитого фортепьяно, то скрипки, то гармоники; когда отворялись двери под красным фонарем, то неслись пьяные песни.

В одном из глухих, темных дворов свет из окон почти не проникал, а по двору двигались неясные тени, слышались перешептывания, а затем вдруг женский визг или отчаянная ругань...

Передо мной одна из тех трущоб, куда заманиваются пьяные, которых обирают дочиста и выбрасывают на пустыри.

Около входов стоят женщины, показывают «живые картины» и зазывают случайно забредших пьяных, обещая за пятак предоставить все радости жизни вплоть до папироски за ту же цену...

Когда я пересек двор и подошел к входу в подвал, расположенному в глубине двора, то услышал приглашение на французском языке и далее по-русски:

– Зайдите к нам, у нас весело!

От стены отделилась высокая женщина и за рукав потащила меня вниз по лестнице.

– У нас и водка и пиво есть.

Вошли. Перед глазами мельтешился красноватый свет среди пара и копоти. Хаос звуков. Под черневшими сводами огромной комнаты стояли три стола. На стене близ двери коптила жестяная лампочка, и черная струйка дыма расходилась воронкой под сводом, сливаясь незаметно с черным от сажи потолком. На двух столах стояли такие же лампочки, пустые бутылки, валялись объедки хлеба, огурцов, селедки. На крайнем к окну столе шла ожесточенная игра в банк. Метал плотный русак богатырского сложения, с окладистой, степенной бородой, в поддевке. Засученные рукава открывали громадные кулаки, в которых почти исчезала колода карт. Кругом теснились оборванные, бледные, с пылающими взорами понтеры.

– Семитка око...

– Имею – пятак. На пё.

– Угол от пятака... – слышались возгласы игроков.

Дальше, сквозь отворенную дверь, виднелась другая такая же комната. Там тоже стоял в глубине стол, но уже с двумя свечками, и за столом тоже шла игра в карты...

Передо мной, за столом без лампы, сидел небритый бледный человек в форменной фуражке, обнявшись с пьяной бабой, которая выводила фальцетом:

И чай пил-ла, и б-булк-и ела,

Поз-за-была и с кем си-идела.

Испитой юноша, на вид лет семнадцати, в лакированных сапогах, в венгерке и в новом картузе на затылке, стуча дном водочного стакана по столу, убедительно доказывал что-то маленькому потрепанному человечку:

– Слушай, ты...

– И что слушаешь? Что слушаешь? Работали вместе, и слам пополам...

– Оно пополам и есть!.. Ты, затырка, я по ширмохе, тебе лопатошник, а мне бака... В лопатошнике две красных!..

– Бака-то полста ходит, небось анкер...

– Провалиться, за четвертную ушла...

– Заливаешь!

– Пра-слово! Чтоб сдохнуть!

– Где же они?

– Прожил! Вот коньки лаковые, вот чепчик... Ни финаги в кармане!

– Глянь-ка, Оська, какой стрюк заполз!

Испитой юноша посмотрел на меня, и я услышал, как он прошептал:

– Не лягаш⁸ или?

– Тебе все лягавые чудятся...

– Да вот сейчас узнаем... – Он обратился к приведшей меня «даме»: – Па-алковница, что, кредитного свово, что ли, привела?

– Не-ет. Просто стрюк шатаный...

Полковница повернула к говорившему свое строгое, густо наштукатуренное лицо, подмигнула большими черными, глубоко запавшими глазами и крикнула:

– Барин выпить хочет. Садитесь, садитесь! Je vous prie!⁹

– Садись – гость будешь, вина купишь – хозяин будешь! – крикнул бородач-банкомет, тасовавший карты.

Я сел рядом с Оськой.

– Что ж, барин, ставь вина, угощай свою полковницу, – проговорил юноша в венгерке.

– Изволь!

– Да уж расшибись на рупь-целковый, всех угощай. Вон и барон мучится с похмелья...

Мужчина в форменной фуражке лихо подлетел ко мне и скороговоркой выпалил:

– Барон Дорфгаузен... Отто Карлович... Прошу любить и жаловать, – он шаркнул ножкой в опорках.

– Вы барон? – спросил я.

– Ma parole! Даю слово! Барон и губернский секретарь... в Лифляндии родился, в Берлине обучался, в Москве с кругом спился и вдребезги проигрался... Одолжите двугривенный. Пойду отыгрываться... До первой встречи.

– Извольте!

И через минуту слышался его властный голос:

– Куш под картой. Имею... Имею...

– Верно, господин, он настоящий барон, – зашептал мне Оська. – Теперь свидетельства на бедность да разные фальшивые удостоверения строчит... А как печати на копченном стекле салит! Ежели желаете вид на жительство – прямо к нему. И такция недорогая... Сейчас ежели плакат, окромя бланка, полтора рубля, вечность – три.

– Вечность?

– Да, дворянский паспорт или указ об отставке... С чинами, с орденами пропишет...

– Барон... Полковница... – в раздумье проговорил я.

– И полковница настоящая, а не то что какая-нибудь подполковница... Она с самим живет... Заведение на ее имя.

Тут полковница перебила его и, пересыпая речь безграмотными французскими фразами, начала рассказывать, как ее выдали подростком еще за старика, гарнизонного полков-

⁸ Сыщик.

⁹ Прошу вас! (фр.)

ника, как она с соседом-помещиком убежала за границу, как тот ее в Париже бросил, как впоследствии она вернулась домой, да вот тут в Безымянке и очутилась.

– Ну ты, стерва, будет языком трепать, тащи пива! – крикнул, не оглядываясь, банкомет.

– Несу, оголтелый, чего орешь, каторга!

– Унгдюк! Не везет... А? Каково? Нет, вы послушайте. Ставлю на шестерку куш – дана! На пё. Имею полкуша на пё, очки вперед... Взял. Отгибаюсь – бита. Тем же кушем иду – бита... Ставлю на смарку – бита! Подряд, подряд!..

– Проиграли, значит?

– Вдрызг! А ведь только последнюю бы дали – и я крез! Талию изучил – и вдруг бита!..

Одолжите еще... до первой встречи... Тот же куш...

Опять даю двугривенный.

– Ол-райт! Это по-барски... До первой встречи!..

Полковница налила пива в четыре стакана, а для меня в хрустальную кружку с мельхиоровой крышкой, на которой красовался орел.

Барон оторвался на минуту от карт и, подняв стакан, молодецки возгласил:

– За здоровье дам! Ур-ра!

– А вы что же не пьете? Кушайте! – обратилась ко мне полковница.

– Не пью пива... – коротко ответил я.

В это время игра кончилась.

Банкомет, сунув карты и деньги в карман и убавив огонь в лампе, встал.

– Шабаш, до завтра! Выкидывайтесь все отсель.

Игроки, видимо привыкшие ему повиноваться, мгновенно поднялись и молча ушли. Остался только барон, все еще ерепенившийся. Банкомет выкинул ему двугривенный:

– Подавись и выкидывайся!.. Надоел ты мне. Куш под картой, очки вперед! На грош амуниции, на рубль амбиции! Уходи, не проедайся!

Банкомет взял за плечи барона и вмиг выставил его за дверь, которую тотчас же запер на крюк. Даже выругаться барон не успел. Остались: Оська, карманник в венгерке, пьяная баба, полковница и банкомет. Он подсел к нам.

Из соседней комнаты доносились восклицания картежников. Там, должно быть, шла игра серьезная.

Полковница вновь наполнила пивом стаканы, а мне придвинула мою нетронутую кружку:

– Кушайте же, не обижайте нас.

– Да ведь не один же я? Вот и молодой человек не пьет.

– Шалунок-то? Ему нельзя, – сказал Оська.

– Ему доктор запретил... – успокоила полковница.

– А вот вы, барин, чего не пьете? У нас так не полагается. Извольте пить! – сказал бородач-банкомет и потянулся ко мне чокаться.

Я отказался.

– Считаю это за оскорбление. Вы брезгуете нами! Это у нас не полагается. Пейте! Ну? Не доводи до греха, пей!

– Нет!

– А, нет? Оська, лей ему в глотку!

Банкомет вскочил со стула, схватил меня одной рукой за лоб, а другой за подбородок, чтобы раскрыть мне рот. Оська стоял с кружкой, готовый влить пиво насильно мне в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 99,90р. (на 06.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.